Василий
Белоусов

ЖИВИ, КУРЬЯ!

Василий Белоусов

ЖИВИ, КУРЬЯ!

Мурманское книжное издательство • 2013

ББК 63.3(2Рос-4Вол)
Б 43

Книга издана в авторской редакции
Фото из личного архива автора
и земляков-вологжан

Белоусов В. С.
Б 43 Живи, Курья! / Василий Белоусов. — Мурманск: Кн. изд-во, 2013. — 60 с.: ил.
ISBN 978-5-85510-354-0

Предлагаем читателю книгу журналиста, Заслуженного работника культуры Российской Федерации, почетного гражданина Мурманской области Василия Сергеевича Белоусова.

Эту книгу автор посвящает своим землякам — жителям Вологодских деревень, которые, как и многие российские деревеньки, исчезли с карты России, признанные неперспективными и обреченные на умирание. Но остались люди, их память, их любовь к родной земле. Это они трудом и ратными подвигами прославили свою малую родину.

Книга будет интересна не только вологжанам, но и всем, кто интересуется историей своей страны.

ББК 63.3(2Рос-4Вол)

© Белоусов В. С., 2013
© Мурманское книжное издательство, 2013

ISBN 978-5-85510-354-0

ОТ АВТОРА

Задумав найти истоки, откуда пошел наш род, и рассказать о нем, я и не предполагал, что придется писать и историю всей деревни. Оказывается, судьба отдельных людей так тесно переплетается с судьбой всей деревни, что одно без другого не представляется в целом. Так и родилась идея создать книгу о малой родине — небольшой вологодской деревеньке Курья, одной из сотен подобных ей, которые волею власть имущих попали в разряд неперспективных и тем самым обречены на умирание.

По мере накопления материалов росло и желание поведать миру не только о своих предках, а и о других земляках из бывшей Корбангской волости Кадниковского уезда Вологодской области, в состав которой входила и Курья. Меня заинтересовали судьбы некоторых из них, оставивших добрый след не только на вологодской земле, а и в местах длительного проживания вне ее границ. Их оказалось столь много, что пришлось посвятить им отдельную главу.

Больше всего земляков выявилось на Кольском полуострове. Многих знал лично, о других был наслышан или прочитал в книгах. Эти люди отдали лучшие годы жизни Кольскому Заполярью и прославили себя самоотверженной службой Отечеству всюду, куда бы их не забрасывала судьба. О них, как и о продолжающихся связях между Вологдой и Мурманском, я не мог не написать. Все они, считаю, достойны памяти потомков.

Вологодским
землякам моим
посвящается

Оглядываюсь с гордостью назад:
Прекрасно родовое древо наше!
Кто прадед мой?
— Солдат и землепашец.
Кто дед мой?
— Землепашец и солдат.
Солдат и землепашец мой отец,
И сам я был солдатом, наконец.

Сергей Викулов

ЖИВИ, КУРЬЯ!

— Ну вот — и приехали. Дальше на «Жигулях» не пробиться...

Водитель, взявшийся довезти меня от автостанции до родной моей деревни Курья, с грустью посмотрел на раскисшую от первых осенних дождей проселочную дорогу и развернул машину на асфальте. На прощанье посоветовал идти дальше не по грунтовке, а полем: мол, там хоть и сыро, но грязи меньше. Я все же пошел по знакомому еще с детства пути, выбирая на обочине наиболее твердые участки дороги. Идти оставалось чуть больше километра — неужто не осилю?

В памяти сердца вся местность знакома. Вот уже и низина, за поворотом которой должны показаться крыши первых куреевских домов. Слева, за полем, темнеет лес, где в детские годы мы, деревенская ребятня, проводили свободное от домашних дел время и знали его не хуже птиц и зверей, обитавших в нем. Осень уже подрумянила его. Самое время для сбора белых грибов. В детстве, возвращаясь из школы по этой дороге, мы специально делали крюк, чтобы проверить свои заветные места на опушке леса. И всегда, возвращаясь домой, несли в подолах рубашек с десяток крепких молоденьких боровичков.

Подумалось, а не сделать ли туда заход и сейчас, прийти домой с такими всегда желанными трофеями? Но кого порадуешь этим подарком, если дом пустой? Мать и сестра давно умерли, а последний из деревенских родственников — двоюродный брат Василий — живет на центральной усадьбе местного совхоза. К тому же сам заядлый грибник, каждый сезон запасается лесными дарами в числе первых в округе. И я продолжаю месить грязь, продвигаясь все ближе и ближе к деревне.

Сквозь ивняк, облепивший дорогу с обеих сторон, стали видны крыши домов. Душа торжествует: вот я и дома! Сходив за водой на родник, включаю электрочайник и растапливаю печь. Сухие дрова разгораются быстро. Сажусь перед устьем печи, смотрю, как пламя желтыми языками охватывает поленья. Вот так же в часы, когда мать топила печь, усаживались мы с сестрой перед устьем печи, согревая озябшее тело исходящим из нее теплом....

Чайник давно уже выключен, но мне не до него. Я во власти воспоминаний.

* * *

Курья — одна из деревень, составлявших когда-то Корбангскую волость Кадниковского уезда Вологодской области, ныне входит в состав сельского муниципального поселения Воробьево Сокольского района. Согласно легенде, основали ее беглые казаки Стеньки Разина, спасавшиеся в здешних глухих в ту пору лесах от преследования царской власти. Из древесины и торфа они «курили» (получали) деготь — исходное сырье для производства воска, имевшего хороший спрос на российском рынке. По роду их занятий получила название и деревня, основанная ими в 90 километрах от Вологды на левом берегу реки Двиницы — притоке судоходной Сухоны. До революции в ней насчитывалось почти 60 домов. Из материалов оценки земель Кадниковского уезда, датируемых 1911-м годом, с которыми я познакомился в Вологодском областном государственном архиве, следует, что жителей мужского пола в Курье было 84, женского — 111. В том же документе приводятся данные и о возрастном составе. Мужчин до 60 лет было 48, старше шестидесяти — 6. Женщин в возрасте до 41 года зарегистрировано 40, свыше 56 лет — 18. Из общего количества населения деревни «способных к труду рабочих» (так написано в документе) было 44 среди мужчин и 56 — среди женщин. В учет взяты и так называемые «полурабочие», в основном подростки и инвалиды. Их было 30.

Деревня особенно хорошо смотрелась со стороны реки: три ряда домов, окруженных забором из жердей для защиты посевов от домашнего скота, за домами — цепочка овинов, в которых сушили и обмолачивали снопы ржи, ячменя, овса, издревле выращиваемых в здешних краях. Почти у каждого дома — черемухи и рябины.

Еще в начале прошлого века в здешних деревнях не было бань. Мылись мои земляки в печке, удалив предварительно из нее угли и подметя под, на который стлали соломенный коврик, после чего и

лезли в печь с веником и шайкой воды. Парилка получалась — что надо! Я сам испытал это на себе не только в детстве, но и в юности, пока в деревне не появились бани. Первым построил ее мой дядя Александр Васильевич Белоусов. Он стал приглашать помыться в ней и меня, и мою мать. Правда, требовал, чтобы дрова мы приносили свои. А вот Павел Боровиков, последовавший примеру дяди Саши, никаких условий, приглашая в свою баню, не выставлял. И мы предпочитали ходить к нему, пока не построили свою. Теперь же бани есть у каждого сохранившегося в Курье дома.

В ту пору дома в деревне строили большие. Под одной крышей их располагались и жилые комнаты, и хозяйственные помещения — для скота, хранения зимних запасов сена и дров, чтобы в лютую стужу не выходить за ними на улицу. У некоторых домов были еще и «зимовки» — небольшие по размерам избы с русской печкой, где в зимнюю пору и жили их хозяева, спасаясь от морозов. Летом же они переселялись в горницы — светлые помещения без печей, в которых в жару всегда царила прохлада. С годами в устройство домов вносились изменения, вызванные велением времени, но передняя часть их сохраняла свой первоначальный вид.

Изменился внешний облик деревни в целом после того, как начали сносить одряхлевшие от времени и ставшие ненужными овины. После коллективизации сельского хозяйства многие их владельцы уехали в город, завербовавшись на великие и не очень великие стройки коммунизма. Перед войной в Курье насчитывалось уже только 40 домов и три овина. Она, как и многие другие вологодские деревни, начала хиреть. Вернувшиеся с фронта крепкие мужики уезжали на заработки в ближайший от нас город Сокол, откуда редко кто возвращался в село. Увозили они и свои дома: так тогда решалась жилищная проблема тысячами бывших колхозников. На сегодняшний день в Курье из 18 сохранившихся домов, пригодных для жилья, осталось 15, а постоянно проживающих в них — ни одного! Правда, трое — Валентин Григанов, Саша Попов и Леша Сизов — имеют куреевскую прописку, но живут здесь только летом. Зимуют же вместе с семьями в каменных домах, построенных специально для переселенцев из неперспективных деревень на центральной усадьбе совхоза «Доброволец» в селе Воробьево.

* * *

На моей памяти проходила деревенская жизнь и в годы войны, и в первое послевоенное время. Мне было тогда слишком мало лет,

чтобы осмыслить происходившее вокруг нас. Но не зря говорят, что память ранней молодости — самая цепкая память. Многое и сейчас вижу, как будто наяву. А про жизнь в деревне в ту пору могу сказать только одно: была она очень тяжелой. Государство, стремившееся быстрее залатать раны, нанесенные войной, посчитало возможным найти часть средств для восстановления разрушенных городов и промышленных предприятий за счет обложения новыми налогами сельских жителей. Каждая семья в обязательном порядке должна была сдавать государству практически за бесценок молоко, яйца, шерсть, мясо. Даже шкуры овец и телят, оставленные владельцами живности для своих нужд, строгие контролеры отбирали в доход государства. А еще был налог (кажется, местный) на плодово-ягодные культуры. Чтобы избавиться от него, люди тайком в зимнюю пору вырубали не только яблони, а и кусты красной смородины, росшие практически возле каждого дома. Проверяющим из района доказывали потом, что погибли они от лютых морозов. Привело все это к тому, что на грядках возле домов, кроме лука, стали выращивать только репу, турнепс да брюкву, на которые продовольственный налог не распространялся. Отменили этот налог лишь после голодного сорок седьмого, когда в деревнях резко возросла смертность населения от недоедания...

* * *

Мысленно совершаю путешествие по деревне той поры. Вот дом моей одноклассницы и соседки Нины Поповой, как и я, оставшейся в первые годы войны без отца. Дом стоял рядом с нашим, резко наклонившись от старости вперед, отчего дверь в избу, когда мы заходили к ней в гости, так подталкивала нас, что мы вынуждены были убегать от нее. Несколько лет дом оставался в таком положении. Когда же жить в нем стало опасно, соседи, продав корову и набрав долгов, купили старый, но еще крепкий дом в деревне Дюрбенихе, куда и переселились.

Мы с Ниной учились в одном классе. Она не была круглой «пятерочницей», но в математике ей среди нас не было равных. Думается, со временем из нее вырос бы хороший преподаватель этого предмета или крепкий экономист, но жизнь распорядилась по-другому. Сразу же после окончания школы-семилетки Нина вынуждена была пойти работать телятницей на колхозную ферму. Детям своим она помогла получить современные специальности, а сама, надорвавшись на колхозной работе, рано ушла из жизни.

Избы в Курье тогда стояли кучно. Расстояние между ними было не более 15 метров. На каждые две-три приходился один колодец. Сейчас — один на всю деревню, возле дома моих нынешних соседей Татьяны и Саши Поповых, но вода в нем мутная, пригодная разве что для полива. Вот почему все живущие здесь летом городские и местные дачники берут ее из родника, бережно сохраняемого поколениями куреевских жителей. Последний раз его сруб обновили три года назад Валентин Григанов и ныне покойный Валентин Сизов. Вода в нем всегда прозрачная и очень холодная, долго не портится при хранении, поэтому запасаются ею дачники впрок, а многие увозят и в город.

Мать Саши Попова — Нина Малинова, проживавшая в соседней деревне Рогозкино, приходится родственницей моему отцу. Выдавали ее замуж за куреевского гармониста Николая Попова с соблюдением старинного свадебного обычая. Помнится, как проходил один из обрядов — «Плакание», когда невеста, собрав у себя подружек, прощалась с золотой порой девичества. Не знаю, сколь искренне, но и она, и подруги действительно плакали, распевая грустные старинные песни. Это было так непривычно и так трогательно, что невольно пускали слезу и мы, пацаны, пришедшие поглядеть на невесту. Но под конец церемонии все участницы «Плакания» веселились так, что было и нам понятно: невеста идет замуж с большой охотой.

В новой куреевской семье Поповых было семеро детей — два сына и пять дочерей. Саша и его старший брат Василий остались жить на селе, а дочери разлетелись по разным сторонам. Валентина, выйдя замуж за земляка из соседней деревни Рафаила Красильникова, долго жила в Мурманской области. Уйдя на пенсию, они поселились в Вологде, поближе к сестре Валентины — Шуре. Нина живет в Соколе, а Ира — неподалеку от бывшего районного центра Бирякова. Еще одна — Лиля прочно обосновалась в Ленинграде. Все сестры получили образование. Каждое лето собираются на малой своей родине.

Как-то я спросил Сашу, почему он, имея почти гектар приусадебного участка, использует под посевы едва ли треть его.

— А зачем больше? — ответил он. — Скотину я не держу. Для нужд семьи хватает и того, что выращиваем.

— Так ведь излишки можно продать.

— Не вижу смысла. Отдавать заезжим скупщикам картошку по три рубля за килограмм, чтобы они перепродавали ее на рынке по 30 рублей? Я этим барыгам не помощник. А что сами не съедим,

лучше раздам городским дачникам. Пусть поедят настоящий продукт, а то отовариваются в своих городских магазинах картошкой, напичканной нитратами и завезенной бог знает из какой заграницы.

Ты сам-то ради чего стал ездить сюда? Отдыхать, говоришь? А картошку — тоже выращиваешь. Знаешь — своя-то вкусней и полезней. В советское время наша область таким продуктом обеспечивала не только себя, а и районы, где выращивать ее было экономически невыгодно. Теперь же, особенно в межсезонье, на рынке и в овощных магазинах Вологды легче найти израильский или турецкий картофель, нежели наш, вологодский.

Я вот недавно по телевизору смотрел передачу на эту тему. Там один столичный чиновник с гордостью говорил, что сейчас Москва почти на две трети обеспечивается продовольствием, поставляемым из-за границы. Нашел чем хвастаться! А если заграница вдруг закапризничает и перестанет поставлять в Россию эти продукты? Что тогда?

Понимаю, столицу без продовольствия не оставят. Возьмут все, что требуется, с периферийных областей, как бывало уже не раз. А с чем мы останемся? Вот о чем федеральным властям пора бы задуматься...

Признаться, не ожидал я услышать такое от своего деревенского соседа. Думал, живет он только своими собственными заботами, коих у него действительно хватает. Плохо, оказывается, знал. Он, как и многие другие мои земляки, тревожится за судьбу всей России. И подумалось мне тогда, что сила России находится в русских сердцах, вот в таких мужиках, как мой внешне неприметный сосед. Они — настоящая ее опора.

* * *

Прошлое незримо присутствует в настоящем. Мысли, высказанные моим деревенским соседом, перекликаются с тем, о чем говорил еще в позапрошлом веке Фаддей Булгарин: «Русские ко всему способны. Надобно только, чтобы вожди их хотели просвещения. Что сами не можем, займем знания у соседей. Через это никто ничего не теряет, а все согреваются и освещаются от одного огня».

Так писал человек, которого в годы советской власти считали чуть ли не губителем демократии. Но ведь он отражал то, что на самом деле присуще русскому человеку. И хорошо, что в новой России имя его вытащили из забытья, а нынешние руководители государства стремятся действовать в интересах всего народа.

Что касается продовольственной зависимости страны, ставшей уже явью, то это, уверен, действительно не может не волновать истинных патриотов России. Она, эта зависимость, вызывает у них пока что тихий, но все усиливающийся протест. Прежде всего у крестьян, лишившихся возможности продолжать предназначенное им дело в том объеме, который они без труда осиливали в прежние времена. И об этом напомнил в том разговоре Саша Попов.

* * *

Но вернемся в Курью, какой она запомнилась мне в пору молодости.

Рядом с домом Поповых, помню, стояла избушка, в которой вместе с матерью и бабкой по прозвищу Политиха жил мой ровесник Миша Задорин (фамилия изменена). Отец Миши долго числился без вести пропавшим на войне. Вернулся лишь в сорок шестом, когда в доме его появился новый жилец — Сашка. Деревенские кумушки говорили, что родила его Мишкина мама от одного из пленных немцев, вместе с которыми в порядке трудовой повинности в зимнюю пору работала тогда на лесозаготовке. Такую трудовую повинность, кстати, в те послевоенные годы отбывали и многие другие молодые корбангские женщины. Фронтовик, уязвленный поступком жены до глубины души, в тот же день уехал из деревни, так и не простив ей греха. Новоявленного Мишкиного братишку местная ребятня прозвала Немтырем и не принимала в свои игры. Худо пришлось и его матери. Не выдержав позора, она вместе с детьми уехала из деревни. Домик же их кто-то купил на дрова.

Я не судья, который призван давать оценку случившемуся в семье Задориных. Поэтому я не осуждаю Мишкину мать. Жизнь ведь полна неожиданностей, и на каждый подобный случай ответа заранее не придумаешь.

* * *

За избушкой Задориных стоял крепкий дом Александра Дианова, вернувшегося с войны без одной руки. В деревне он не задержался — уехал в Сокол, где инвалиду-фронтовику нашлась подходящая работа. Был он крутого нрава, но чутким к чужим бедам. И хоть сам жил не ахти как богато, всегда старался помочь своим деревенским землякам. Не раз выручал и меня, в ту пору студента Сокольского целлюлозно-бумажного техникума, когда случалось

из-за безденежья неделями питаться только подсоленным черным хлебом да кипятком. Дядя Саша в такие дни приглашал к себе на обед меня и моего деревенского друга Сергея Тихомирова (тоже учившегося в Соколе, но не в техникуме, а в школе ФЗО).Угощение было скромным, но спасительным для нас. В знак благодарности мы помогали ему пилить и колоть дрова.

Уже в зрелом возрасте познакомился я и с его детьми — дочерьми Ангелиной и Лией. Обе «пошли» в отца, как и он, всегда готовы поддержать людей, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Ангелина Александровна, по мужу — Янина, выучившись на экономиста, осела в Вологде, многие годы возглавляла областное отделение Агропромбанка. Сейчас — вот уже десять лет — председатель правления одного из первых на Вологодчине сельскохозяйственных потребительских кооперативов «Потреб-Инвеста». Заслуженный экономист Российской Федерации, почетный гражданин Вологодского района.

Как известно, эти финансово-кредитные организации появились в тяжелые для страны девяностые годы минувшего века, когда вклады людей в Сбербанке обесценивались, задерживалась выплата зарплаты. Особенно страдали от этого сельские жители. В помощь им и были созданы эти кооперативы. В «Потреб-Инвесте» теперь люди могут брать не столь обременительные, как в коммерческих банках, займы до 20 тысяч рублей. Сумма не так уж и значительная, однако и ее порой бывает достаточно сельскому жителю решить свою неожиданно возникшую финансовую проблему. Услугами кооператива поэтому охотно пользуются не только сельчане, а и предприятия агропромышленного комплекса.

— Финансовая взаимовыручка, осуществляемая через кредитный кооператив, помогает сельхозпредприятиям и жилищно-коммунальным хозяйствам в нужный момент поддержать производство, — говорит Ангелина Александровна. — А за десять лет работы оборот нашего кооператива по выданным займам составил почти 500 миллионов рублей, что убедительно свидетельствует о доверии ему пайщиков. Конечно, изменения в экономике, в финансовой среде, в людях не могут не отражаться на нашей деятельности, но мы сюда и поставлены для того, чтобы отслеживать тенденции и принимать соответствующие вызовам времени решения.

Вот так же, по-государственному, с заботой о людях строила работу и ее сестра Лия Александровна Румянцева, всю свою сознательную жизнь отдавшая труду на благо малой своей родины —

бывшей Корбангской волости. Более десяти лет, самых трудных для сельских жителей после распада советского государства, она возглавляла совхоз «Доброволец».

— Плохо сейчас живется на селе, — сетует Лия Александровна. — А все потому, что государство выбило почву из-под ног крестьянина. Не будь сплошного укрупнения колхозов, начатого еще Хрущевым, не было бы и так называемых неперспективных деревень. Жили бы люди по древним своим укладам, держались бы за свое хозяйство, глядишь, и страна имела бы вдоволь и своего хлеба, и мяса, и молока. А и надо-то было сделать одно — построить нормальные дороги между деревнями да дать чуть больше свободы сельчанам. Думаю, и сейчас еще не поздно исправить положение, если заняться всерьез решением этой проблемы на государственном уровне.

Румянцева сохранила костяк коллектива в самые трудные для совхоза времена. Уже наметилась тенденция экономического роста хозяйства, да ее вдруг освободили от должности, отправив на пенсию. После нее на этом посту сменились несколько человек, а сам совхоз в конце концов распался. Его земли и вся недвижимость стали собственностью столичной аграрной фирмы по производству чипсов. Произошло серьезное сокращение штатов, сотни местных жителей стали безработными.

Тяжело ветерану видеть развал хозяйства, которому она отдала лучшие годы своей жизни. Но что поделаешь: таков нынче узаконенный государством уклад деревенской жизни.

* * *

Дом Александра Дианова в Курье не сохранился. На его месте в шестидесятые годы поставил свой новый дом Павел Александрович Боровиков, женившийся на Марусе Коньковой — вдове погибшего на войне товарища. С ее дочерью Шурой от первого брака у меня в молодые годы завязался было роман, но был он мимолетным. Шура, выйдя замуж за Сашу Мастакова, — моего одноклассника из деревни Нелидово, вскоре уехала с ним в Архангельскую область. От второго брака у Маруси было трое детей. В живых сейчас только Ира, живущая в Ярославле, да Зоя, с которой мы породнились после того, как она вышла замуж за моего двоюродного брата Василия. Их сын Александр волею судьбы, как и я, оказался в Мурманске. Служил на Северном флоте, женился на мурманчанке, обзаведясь двумя детьми. Сейчас живет в Ярославле, где обосновались и

дети Мастаковых. Дом же Боровиковых сейчас опекает невестка фронтовика — Лидия, недавно похоронившая мужа.

Многодетных семей в Курье было много. Самая большая — семья Сизовых. Мои школьные товарищи Николай и Нина потрудились действительно на славу, вырастив одиннадцать детей. Большинство из них, повзрослев, уехали в город. Слышал, что двое сизят, как их называли в обиходе односельчане, живут в Мурманской области. Их дом в деревне пустует. Правда, один из братьев Сизовых — Александр, после нескольких лет жизни в городе вернувшийся на малую родину, летом останавливается в нем. Как и все куреевские обитатели, выращивает здесь для себя картошку, лук, морковь. На хлеб зарабатывает рубкой леса по договору с одним из местных предпринимателей. Однако и у него руки не доходят до того, чтобы скосить траву вокруг дома. И стоит сизенков дом в запустении, окруженный бурьяном в рост человека. Узенькая тропинка к нему, как лесная просека, напоминает, что сюда все еще приходят люди.

Как управлялись родители Саши с такой оравой детишек, судить не берусь. Да в деревне и не принято влезать в чужие души. Но вот что запомнилось. В летние теплые вечера, когда ребятня убегала на реку, Нина и Николай садились на крылечко отдохнуть. Он брал в руки гармонь и начинал играть, она же под его музыку пела народные песни и деревенские частушки. Не раз этот импровизированный концерт заканчивался пляской. Соседи с пониманием относились к их привычке. Понимали, что так они снимали накопившееся за день напряжение.

* * *

Сизовы — самая распространенная фамилия в Курье. Ее носила и старшая сестра моего отца — Ираида, жившая на краю деревни. Муж ее — Николай — работал трактористом в районной машинно-тракторной станции. Из-за слабого здоровья на фронт его не взяли, поэтому он в войну частенько бывал в нашей деревне. В редкие минуты отдыха любил посидеть с удочкой в уединенных местах Двиницы. Иногда брал с собой и меня. Помню, сидим с ним под кустом у омута. Он то и дело закуривает самокрутку, дымом табака отгоняя комаров. Меня же они донимали. У него клев был хороший, а у меня — хоть бы одна поклевка! Дядя Коля говорит:

— Ты, парень, не суетись. Рыба идет на крючок к терпеливым...

А как не суетиться, если проклятые комары одолевают?

Пробую затаиться. Неожиданно поплавок моей удочки резко ушел под воду. Делаю подсечку, и первая плотвичка уже трепыхается у моих ног. Дядя Коля хитро улыбается:

— Понял теперь, в чем секрет? Вот и ходи сюда без меня. Мать угостишь свежей рыбкой...

В тот раз добрую половину своей добычи он отдал мне, преподав еще один хороший урок: делиться с напарником, если тому не везет.

Умер дядя Коля вскоре после войны. Говорили, от чахотки. Уж больно много курил он. Дочь его Шура вышла замуж за парня из нашей же деревни Александра Шумилова и вскоре переселилась с ним в Сокол. Увы, и их уже нет в живых. Но мы с женой поддерживаем связи с детьми Шумиловых — Ниной, Любой и Николаем, с их семьями.

По соседству с тетей Ираидой располагался дом еще одних Сизовых, прозванных Жаренками. Жили в нем солдатская вдова Александра с сыном Николаем. Наши с ним матери дружили. Добрые отношения в юности сложились и между нами. Но случилась беда: дом Николая сгорел. Он вместе с молодой женой Валентиной переехал на жительство в Воробьево, а мать осталась в Курье, поселившись в пустовавшей избушке напротив нашего дома. К ней уважительно относились все соседи, и мы с супругой — тоже. После смерти ее домик этот совсем прохудился, грядки возле него, возделанные с таким трудом старушечьими руками, заросли травой и крапивой. Лишь годы спустя на него обратили внимание сын и невестка тети Шуры. Частично отремонтировав домик, они стали летом приезжать сюда. Развели пчел и даже грядки восстановили. Так что сейчас и его с полным правом можно отнести к числу пригодных к жилью куреевских домов.

* * *

Вот уже более десяти лет пустует дом Нилы Тихомировой. Муж ее — Александр — рано умер, оставив после себя пятерых детей. После смерти матери они, повзрослевшие, разлетелись по стране. Одна из дочерей — Людмила — приехала в Мурманск. Найти работу и жилье самостоятельно не смогла и обратилась ко мне за помощью. Землячку удалось трудоустроить в «Севгидрострой». В поселке Туманный, где проживали строители Серебрянской ГЭС, нашлось ей и место в хорошем общежитии. Там, в заполярной тундре, обрела она свое счастье, выйдя замуж за хорошего человека. Слышал от односельчан, что Люся сейчас живет в городе кольских атомщиков Полярные Зори.

Напротив тихомировского стоит самый красивый в Курье дом Валентина Григанова, отделанный старинной резьбой по дереву. Таким он достался моему другу от деда, одного из самых зажиточных односельчан. Отец же его погиб на фронте. Валентин бережно сохраняет дедовское наследие. Не так давно он подвел под нижние прогнившие венцы дома крепкие просмоленные бревна, обеспечив тем самым сохранность его еще на несколько десятилетий. Здесь, уйдя на пенсию, и живет Григанов с ранней весны до поздней осени вместе с супругой Лидией, в недавнем прошлом — воспитательницей и заведующей детским садом в селе Воробьево.

Удивительно добродушная и отзывчивая эта семейная пара!

Однажды, отдыхая в Курье, я оказался в доме один. Жена по каким-то неотложным делам уехала в Вологду. И надо же было случиться так, что хватил меня гипертонический криз. Сил выйти на улицу и позвать на помощь соседей не было. Да и время-то уже подходило к полуночи. Решил по мобильнику известить о случившемся свою супругу. Та каким-то образом узнала номер мобильного телефона Лиды Григановой, которая мгновенно отреагировала на зов о помощи. Не знаю как, но Лида сумела разыскать среди ночи заведующую сельским здравпунктом Валентину Сараеву. Помощь пришла вовремя, но ни доктор, ни Лида не торопились покинуть меня. Вместе с мужем и прибежавшими на тревожный свет в окнах нашего дома городскими поселенцами Любой и Виталием Сидоровым просидели они возле меня не один час, пока не убедились, что кризис миновал. А утром я уже был в Вологде, где свое дело четко выполнила бригада скорой помощи.

* * *

На месте григановской бани раньше стояла прохудившаяся, с соломенной крышей избушка фронтовика Павла Сизова. Отважный сапер, вернувшийся с войны кавалером ордена Славы, неоднократно раненый, он оказался не в силах отремонтировать эту халупу, куда мы, куреевские малолетки, любили заглядывать в зимнюю пору — послушать его рассказы про войну, а заодно и погреться на всегда теплой его печи. В домах солдатских вдов, в том числе и в нашем, печки из-за нехватки дров еле грели.

— Воевать мне довелось на Кольской земле, — рассказывал ветеран. — Сперва — под Кандалакшей. Там, неподалеку от села Алакуртти, есть Лысая гора. Так вот там мы и встретили немцев. Драка была серьезная, но мы устояли.

Нас, деревенских, привычных к топору, определили в саперы. Строили переправы, землянки и блиндажи для наших бойцов, помогали разведчикам проходить через минные поля и немецкие заграждения. ...Вместе со мной воевали Кубарев Алексей из деревни Кощеево, Кокарев Павел — с Яковкова, Василий Тихонов — из Петряева, Александр Шириков — из Семакина. Нам повезло: живыми вернулись с фронта. А сколько моих боевых друзей навсегда остались в сопках Кольского полуострова — не сосчитать. В их числе и многие корбангские мужики...

Несмотря на ранения, Павел Сизов самоотверженно трудился в колхозе «Красная звезда», в который входили три деревни — Курья, Куваево и Горицы. При нем была создана первая в Корбанге ученическая бригада, возглавить которую ребята доверили мне. На отведенном нам участке поля возле реки мы посадили рассаду огурцов, капусты, брюквы и турнепса, удобрив грядки золой и птичьим пометом. Поливали растения обильно: рядом была река, где мы чаще всего проводили время. Так что эта работа не была нам в тягость. А урожай, к удивлению взрослых, получился отменный. Бригадир, начислив трудодни каждому из нас, не забыл и о подарке. Ящик конфет, дефицитнейших в то послевоенное время, стал для нас самой памятной наградой.

Потом началось укрупнение сельских хозяйств. Под одну крышу свели сперва девять, а затем и все сорок сохранившихся к тому времени деревень Корбангской волости. Государство снизило тягость налогов на деревенских жителей, отменив обязательную сдачу каждым колхозником яиц, молока, мяса и шерсти домашних животных. У людей появились хоть и небольшие, но накопления. Павел Сизов из своей ветхой избенки переехал в крепкий еще дом, оставленный уехавшим в город соседом. Волей судьбы наши семьи породнились. Моя старшая сестра Мария вышла замуж за сына бригадира Николая.

Не по любви — из-за извечной боязни остаться в девках и желания любой ценой освободиться от тяжелой и изнурительной работы на колхозной ферме, куда ее, шестнадцатилетнюю, определили руководители тогдашнего колхоза, вышла Мария замуж за него. Уехать на учебу в город у нее шансов было мало: в школе училась слабовато. А деревенские жители тогда не имели паспортов. Николай же имел его, работал в леспромхозе. Семью сельские власти разлучить не имели права. Сестра получила паспорт и вскоре вместе с мужем переселилась в Сокол. Но счастья не дождалась. Николай стал часто

выпивать. С хорошей денежной работы, мягко говоря, его попросили. И он запил по-настоящему. Кончилось все тем, что Мария вместе с сыном сбежала от него в Мурманск. Пришлось мне заниматься устройством их судьбы.

* * *

Но вернемся к фронтовикам. В деревне, вернувшись с войны, столкнулись они с разрухой, нищетой, падением нравов. Конечно, они радовались, что выжили на войне. Но у многих была потеряна воля к жизни. Молодые выживали, старики доживали, мечтая лишь об одном — как прокормить семью. К тому же многие недавние фронтовики принесли на малую родину не только радость победы, надежду на светлое будущее, а и привычку заливать эту радость, как и горе, хмельными напитками. Сужу об этом по поведению своих корбангских земляков. Из чего только не умудрялись они изготавливать самогон! В ход шли ржаная мука и свекла, гнилая картошка и даже опилки в смеси с этим сырьем. «Гнали» зелье не особенно таясь, хоть за это дело можно было угодить и за решетку. Напившись, выплескивали накопившуюся злость на ни в чем не повинных людей и друг на друга. Драки в дни религиозных праздников, а их в те годы справляли в деревнях охотно, выливались в массовые потасовки. Редкий праздник обходился без жертв. И так продолжалось до шестидесятых годов, когда сюда из города на усмирение драчунов стали заранее приезжать усиленные наряды милиции.

Тогда-то и появились в деревне, до войны практически не знавшей самогона, первые запойные пьяницы. На старших стали равняться молодые парни. Во время застолий не считалось грехом налить стаканчик-другой и моим молодым сверстникам, едва успевшим закончить школу-семилетку. Где уж тут думать о здоровье. И я теперь не удивляюсь, узнав, что спился тот или иной мой школьный товарищ, оставшийся жить в деревне. Сейчас это зло на селе еще более помолодело. В запой уходят совсем еще молодые мужики и парни, чему, думается, в немалой степени способствует и острая безработица в сельской местности.

К сожалению, сия беда не миновала и некоторых моих родственников. Спился не только муж сестры. Привычку к хмельному перенял их сын Александр, из-за злоупотребления спиртным не доживший и до сорока лет. Ни тот, ни другой при жизни не считал себя алкоголиком. Были они работящими мужиками, как, впро-

чем, и все куреевские парни. Да вот характером оказались слабоваты. Мне до сих пор жаль их, а также Валентина Сизова, Леньку Дианова, друга детства Николая Катышева и других односельчан, не сумевших вовремя отказаться от пагубной привычки. А ведь каждый из них в юности подавал большие надежды. Катышев, например, даже выучился на летчика, освоил несколько типов самолетов. Погорел на выпивке. И когда его отстранили от полетов, ударился в пьянство, которое и довело его до могилы.

* * *

Интересным человеком был Ленька Дианов, больше известный в округе по прозвищу Бачагов. Выучившись на тракториста, он устроился на работу в местный лесхоз. И так увлекся делом, что большую часть года стал проводить на природе. На обустройство личной жизни времени не хватало. Он так и не женился к сорока годам, когда нелепый случай прервал его жизнь.

Заядлый рыбак и охотник, Ленька был в каком-то смысле практическим философом, которые видят жизнь самым безмятежным образом: работать, когда нужно, спать, когда можно. Окрестные леса вряд ли кто из корбаков знал лучше его. И стал он незаменимым проводником для чиновников, приезжавших из районного и областного центров в наши леса поохотиться на глухарей, лосей и медведей, попытать удачи на рыбалке в глубоких заводях Двиницы и ее притоках. Гости, как верно подмечено в известном фильме об охоте по-русски, приезжали с солидным запасом хмельного. Угощали и Леху, который умел не только крепко выпить, не захмелев, но и красиво рассказывать о случавшихся с ним лесных приключениях. А их у него было множество.

Как-то по осени, когда вода в нашей реке «процвела» и стала прозрачной, он пригласил меня порыбачить с острогой. Я много слышал об этой ночной рыбалке, но ни разу до этого не бывал на ней. Интересно было проверить ее на себе.

Поздно вечером, когда сгустилась темнота, мы пришли на реку. В Лехиной лодке уже стояло ведро с намоченными в солярке тряпками. На носу лодки был укреплен шест, заканчивавшийся металлической сеткой в виде рыбацкого подсачника. Ленька бросил в него одну из тряпок и поджег ее. На воде от горящей тряпки образовалось довольно яркое пятно, в котором четко просматривалось речное дно. Когда же отплыли от берега, в этом свете появилась

крупная щука. Она стояла, даже не шелохнувшись при нашем приближении. Леха метнул острогу, и рыбина оказалась в лодке.

Так, останавливаясь лишь при виде крупной рыбы, доплыли мы вверх по течению до деревни Косиково. Справа от нас начиналось торфяное болото, окаймленное сосняком. Впереди на берегу обозначилось какое-то белое пятно. Леха, увидев его, похоже, испугался. Я решил, что там, на берегу, в засаде сидят инспекторы рыбоохраны, которые могут задержать нас за этот запрещенный правилами вид рыболовства. Но причиной Лехиного страха оказалось другое.

Несколько лет назад на этом же месте и при таких же обстоятельствах он, увидев такое пятно, решил проверить, кто же там затаился.

— Когда, причалив к берегу, я пошел на свет, то увидел там женщину, — рассказал он. — Подхожу ближе, а та удаляется. Интересно мне, с чего бы это средь ночи быть здесь женщине, да еще и в белом одеянии. Иду за ней. А она близко не подпускает. Так и водила меня по торфяному болоту до рассвета, пока, обессилев, не свалился среди кочек... Ты знаешь, я ничего в лесу не боюсь, а тут меня страх взял. Вспомнил, что и в старину, говорили старики, эта женщина-призрак в белом водила случайных ночных посетителей болота. С той памятной встречи опасаюсь теперь выходить здесь на берег...

Улов у нас был уже неплохой, и мы, развернувшись, поплыли к дому. Признаться, и у меня тогда в душе зародился страх перед той таинственной незнакомкой. И хоть знал, что в соснячке по краю болота всегда растут любимые мною рыжики, так ни разу и не сходил за ними сюда. А Лехины рассказы о других его приключениях, записанные мною в разные годы, пылятся на чердаке моего деревенского дома.

* * *

Не только в Курье, а и в других деревнях парни часто женились на девушках из своего села. Там же и оставались жить молодые семьи. Поэтому-то в них столь много однофамильцев. Чтобы различать их, сами жители придумывали для них прозвища. Если они соответствовали характеру человека, то приживались надолго.

Моего деда, например, за глаза называли Плетненок. Тетка моя Ираида Васильевна, родившаяся в Курье задолго до революции, говорила мне, что это прозвище получил он от односельчан за то,

что деревенский забор упорно называл по-казацки плетнем. Когда дед стал плохо видеть и не мог помогать по хозяйству, ему поручили опекать нас с сестрой. Целыми днями рассказывал он нам сказки, самим же и выдуманные. А были они действительно интересными. Мы готовы были слушать их без конца. Но дед умер перед самой войной, когда мне исполнилось четыре года. Без его сказок стало скучно сидеть дома, и мы сильно переживали его уход. Повзрослев и став профессиональным журналистом, в память о нем я взял псевдоним В. Плетнёв.

Дед не обижался, слыша, как его за глаза называют односельчане. Был он мудрым человеком, неравнодушным к чужому горю — старался помочь нуждающимся, чем мог. За это его уважали в деревне, чего не скажешь о другом куреевском старике, прозванном Бомбушкой. Настоящая его фамилия Лобачев. В первые годы советской власти он был не избран, а назначен властями Корбанги председателем местного комитета бедноты, по сути — управляющим жизнью деревни. Бедняк он был настоящий. Его изба — самая нищенская, поскольку хозяин не утруждал себя заботой ни о ней, ни о благополучии семьи. Характер же имел, прямо скажем, мерзкий. Навредить тому, кто лучше живет, для него было в радость. Трудиться же в поте лица и с душой, как эти люди, не хотел. Примазавшись к новой власти, Бомбушка так и не отлип от нее до самой старости. Хотя, вернее сказать, пока власть от услуг его не отказалась.

Запомнилась мне история, случившаяся в голодном сорок седьмом году. Наш погреб, где хранился оставленный на семена картофель, кто-то взломал и почти весь наш запас его похитил. Следы на снегу, а дело было весной, привели мою мать к дому Бомбушки.

— Что же ты, злодей, наделал?! — спросила его мать. — Ведь у сирот, у фронтовика последний запас отнял...

— Ты за своего погибшего мужика от государства пособие получаешь, так выкрутишься. А мне что — с голоду подыхать? — отрезал тот.

Пришлось тогда нам с мамой оставшиеся картофелины резать на части, оставляя в них по ростку. Так и посадили на приусадебном участке.

Земля-матушка заступилась за солдатку. Урожай получился хороший. А воришку постигла заслуженная кара: он вскоре то ли замерз, то ли угорел в своей избе. Нашли его в ней уже окоченевшим.

Несколько лет назад, собирая в Вологодском областном архиве данные о своих предках, нашел я любопытный документ, касаю-

щийся этого человека. В сообщении Кадниковского уездного рекрутского присутствия за 1914 год говорилось, что «призывник деревни Курья Николай Иванович Лобачев за отказ явиться на призывной пункт подвергнут аресту и тюремному заключению на 4 месяца». Вот этой «заслугой» и козырял он перед земляками, когда власть в стране перешла к большевикам. Выставлял себя этаким идейным борцом против самодержавия. И это на первых порах действовало на новую волостную власть.

* * *

Про таких, как наш Бомбушка, в народе сложена меткая поговорка: «Одна паршивая овца все стадо портит». К счастью, в Курье этого не случилось. Все мои земляки старших, уже ушедших, поколений жили, следуя сложившемуся веками правилу — упорно трудиться на земле, помогать друг другу в беде. Это особенно ярко проявилось в суровые годы Великой Отечественной войны. Мужиков, ушедших на фронт, на тяжелых колхозных работах заменили женщины и подростки, многие из которых пошли работать в 12—13 лет. Но самое трудное дело взяли на себя наши матери. Пахали, сеяли, собирали урожай, спасали от бескормицы колхозный скот. Умудрялись выкраивать время, чтобы обуть и одеть своих детей. Это их — Александру Сизову, мою маму Анну Белоусову, Анну Григанову, Марусю Боровикову и тысячи других подобных им тружениц тыла имела в виду вологодская поэтесса Татьяна Ульянова, посвятившая им такие вот проникновенные строки своего стихотворения:

Наши матери тем и жили,
Что по-братски горе делили.
Знали беды, нужду, утраты,
Были стойкими, как солдаты...
Но за это наград не просят,
А по-прежнему сеют, косят!

Должен сказать, что выше упомянутые женщины награду все же получили — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Мамина медаль хранится в нашей семье.

* * *

Мать моя Анна Евстафьевна родилась в деревне Кощеево в семье крепкого середняка Евстафия Христофоровича Кубарева. Кроме нее в семье были два старших брата — Алексей и Василий, погибший в годы Великой Отечественной войны, и младшая сестра

Надежда, выучившаяся на педагога и многие годы работавшая учительницей в Усть-Кубенском районе. Там она вышла замуж, родила дочь. Муж ее — Алексей — погиб на фронте. Братья и сестры крепко дружили, стараясь всегда помогать друг другу. Помогли они и маме, когда та, вопреки воле родителей, вышла замуж за куреевского парня Сергея Белоусова, которого очень любила. Только недолгим было ее семейное счастье. Отца моего в 1937 году по ложному обвинению во вредительстве колхозу (якобы он поджег колхозную конюшню) арестовали. Истинного поджигателя вскоре удалось найти, отца освободили. Но в колхоз он не вернулся — устроился на работу десятником в местном леспромхозе. Оттуда ушел и на войну. В 1942 году был тяжело ранен и оказался в одном из вологодских госпиталей, где и скончался от ран. Могилу его мне удалось разыскать в 1958 году на Введенском кладбище Вологды.

Лишь недавно от одной из старейших родственниц матери, ныне проживающей в Мурманске, узнал, что родители мамы в отместку за самовольство лишили ее приданого. Однако в новой семье ее приняли с радостью. Свекровь ласково называла ее Аннушкой. Да и свекру пришлась по душе. А вот старшему уже женатому и жившему в отцовском доме брату отца Александру невестка не приглянулась. Дед вскоре отселил его вместе с семьей в другой купленный им дом. Дядя Саша разобиделся на него, а еще больше — на младшего брата Сергея, который стал полноправным наследником большого дедовского хозяйства, на которое дядя очень рассчитывал. Свою обиду он почему-то перенес на мою мать.

Был он человеком незаурядным. Умел и валенки скатать, и сапоги сшить, знал кузнецкое, плотницкое и столярное ремесло. Мог бы только на заказах односельчан жить безбедно, да сильно капризничал, оговаривая условия предстоящей работы. Людям это не нравилось, и они находили подрядчика в других деревнях. Матери же моей и вовсе отказывал в помощи, когда не стало моего отца. Она не раз предлагала ему поменяться домами, поскольку одной ей тяжело было содержать большой дедовский дом. Но понапрасну.

Тяжелый дядин характер первым не выдержал старший его сын Александр, рано покинувший малую родину и поселившийся в Соколе. За ним последовала сестра Павла. Там встретила любимого человека — Флавия Субботина, с которым и связала свою судьбу на всю жизнь. Средний сын, Николай, женившись, стал жить отдельно. И только младший — Василий долго оставался в отцовском доме. После смерти жены дядя Саша переехал в соседнюю деревню

Старожилы Курьи, 1950-е годы

Общее колхозное собрание проводили на улице... 1950-е годы

Куреевские пахари, 1961 год

Труженики тыла. Через 35 лет после войны. 1980-е годы

Александр Васильевич Белоусов. 1959 год

Зоя и Василий Белоусовы с дочкой Таней

Гармонист Николай Сизов. Справа от него — Нина Попова

Валентин Образцов (слева) и Николай Семенков приехали в Курью навестить В. С. Белоусова

Друзья детства Сергей Тихомиров (слева) и автор книги во время учебы в Соколе

Куреевская детвора в родной деревне

Валентин и Лидия Григановы

Николай Тихомиров, Валентина Дианова и Лидия Григанова с детьми

Дом Григановых

Павел Боровиков, 1964 год

Семья Боровиковых с родственниками

Дома Саши Попова (на переднем плане) и Павла Боровикова

Доктор Ю. А. Паюсов

Лия Румянцева
(в центре) с сыном Сергеем
и Ангелина Янина

Валентин
и Лидия Боровиковы

Мария Сизова,
Александр Дианов
и Любовь Белоусова (сидят)
Маша Сизова
и Миша Новиков (стоят)

Сестры Поповы

Адмирал
В. А. Попов

Большая родня Поповых

Куваево, женившись на вдове давнего своего товарища, но вскоре тяжело заболел и умер. По-настоящему родственные отношения у нас сложились с семьями Павлы и Николая. Они всегда приходили на помощь моей маме, когда та оставалась в деревне одна. Жаль, что и Николай, и его жена Александра померли, не дожив даже до пенсионного возраста. Их единственная дочь Нина, выучившаяся на фельдшера, живет в Шексне. Долго она не решалась продать родительский дом, но пришлось. Сейчас в нем живут пенсионеры из Вологды Люба и Виталий Сидоровы, с которыми у нас с супругой тоже сложились теплые дружеские отношения.

* * *

С родительским моим домом связана еще одна любопытная история.

Дед мой по отцовской линии по местным меркам считался мужиком состоятельным. Он имел несколько лошадей и коров, держал овец и на пару с одним из односельчан владел маслобойней. Мудрый и дальновидный, он еще до начала коллективизации избавился от маслобойни, а домашний скот поделил между сыновьями и дочерьми. Опустевший двор стал быстро ветшать. Отец, после смерти деда ставший полновластным хозяином большого дома, решил перестроить его, убрав ставшие лишними пристройки. Уже была разобрана хозяйственная часть дома, когда началась война. Отцу пришлось срочно свертывать задуманные работы. Из старых бревен с помощью соседей соорудил временную пристройку к жилой части дома, по местному — сарай. Досок на крышу не хватило, поэтому покрыли ее соломой. В таком незаконченном виде и простоял дом до шестидесятых годов, пока мать не накопила средств на ремонт крыши.

В деревне после смерти деда судачили, будто в его доме остался какой-то тайник. Отчасти эта молва подтвердилась во время затеянной отцом перестройки. Когда разбирали чулан, из оборудованного в нем тайника выпал большой сверток. В нем оказалась толстая пачка бумажных денег — царских и «керенок» временного правительства. Последние удивили нас, малышей: купюры были даже неразрезанные — по десятку, а, может, и больше, в каждой ленте. Их было много. Мать потом ими оклеила одну из стен избы. Были в тайнике и медные монеты царской чеканки. Сохранить их, к сожалению, не удалось.

Думаю, не один мой дед сохранял тогда эти атрибуты прежней власти, надеясь на ее возвращение. В деревнях нашей волости было

немало таких, как он, зажиточных мужиков из сословия свободных землепашцев, которые стали бельмом на глазах у немногочисленных в здешних краях помещиков, поскольку оказывали серьезное влияние на крестьян всей округи. Не потому ли и возникала меж ними вражда, порой выливавшаяся в жестокие драки. От имений помещиков в Корбанге не осталось и следа, а дома, построенные свободными землепашцами, и сегодня можно встретить в наших деревнях. Крепко держались тогда за землю крестьяне. Дома строили на века, веря, что их дети, внуки и правнуки не дадут захиреть не только им, а и полям, отвоеванным предками у глухих вологодских лесов. Однако жизнь распорядилась по-своему.

* * *

Деревня — крохотная частица гигантского механизма под названием государство. Начнет увядать одна — «болезнь» ее в масштабах страны пройдет незаметно. Но ежели эта беда постигнет не одну, а тысячи российских деревень?

Увы, власть предержащие прозевали ее еще в довоенное время, начав бездумную коллективизацию. Нарушив вековой уклад жизни села, власти не сумели найти полноценную ему замену. От земли оторвали лучших ее работников. И началось разложение села. Хрущевские реформы лишь ускорили этот процесс. Малые, но жизнеспособные деревни, признанные властями неперспективными, стали умирать одна за другой. Только в нашей местности за последние полвека исчезли более десяти таких деревень. И вот результат: оскудела земля корбангская не только хорошими мужиками, пахарями и кузнецами, а и молодыми людьми. Зарастают дикой травой недавно еще плодородные пашни, а на лугах, подступая вплотную к деревням, одна за другой появляются ольхово-ивовые рощи. А чему удивляться? Природа не терпит пустоты...

* * *

Последней коренной жительницей Курьи, сохранившей верность ей до самой смерти, была дочь Павла Сизова — Антонина. Даже смертельно больная, зная, что обречена, она оставалась зимовать в своем доме. В нем и умерла. Чуткая к чужому горю, Антонина Павловна оставила о себе добрую память. Неудивительно, что проводить ее в последний путь пришли десятки жителей окрестных деревень. Таким же отзывчивым запомнился и ее муж Александр Дианов. Он был глуховат с детства, поэтому в армию его не взяли.

В войну подростком трудился в колхозе наравне со взрослыми. И после, пока была сила, помогал сельчанам, как мог. Мне, например, помог в ремонте отцовского дома. За работу, хоть я и предлагал, денег не взял. Говорил, в соседском деле это не принято. А ведь и сам жил небогато.

Родительский дом Диановых, сильно сдавший в последние годы, восстанавливают сейчас дети и внуки. С весны до поздней осени кипит в нем жизнь. Сюда съезжаются не только те из них, кто живет поблизости, в корбангских деревнях, а и из городов, куда часть из них переселилась еще при живых стариках. Уйдя на пенсию, в Курью с женой приехал зять Антонины Александр Катышев. Бывший боцман одного из судов Северного морского пароходства за лето сумел практически в одиночку отремонтировать жилую часть полуразвалившегося от старости дома Павла Сизова. Заменил нижние венцы строения, выровнял покосившийся сруб, заменил пол. Успел даже разбить небольшой огородик, где вырастил картошку, морковь и лук. Теперь в доме можно уже жить в летнюю пору.

К сожалению, не сохранился дом моего лучшего друга детства Сергея Тихомирова. Он сгорел. После переезда Сергея в другую деревню, хозяйничал в нем его брат Василий. И того и другого уже нет в живых. Но в Корбанге остаются их дети, сохранившие верность малой своей родине.

* * *

Задумав найти истоки, откуда пошел наш род, я и не предполагал, что придется писать историю всей деревни. Ибо личное в этом деле так тесно переплетается с ее историей, с судьбами отдельных людей, ее населяющих, что одно без другого не представляется целым. Теперь уверен: историю нужно открывать через свои семейные предания, домашние архивы, через свою родословную, наконец — через прошлое отчей земли. Тогда она видится живой, близкой, очеловеченной. Кажется, так — за точность не ручаюсь — в свое время говорил об этом известный российский писатель Валерий Дементьев.

Многое могли бы рассказать о прошлом пожившие в царское время и при советской власти старики, но их в Курье да и в других корбангских деревнях не осталось. Дома, построенные нашими дедами еще при царе, не износились до сих пор, а вот хозяева их давно уж ушли в мир иной. Быстро редеют ряды и людей моего —

предвоенного — поколения. Вот прошелся я мысленно по Курье, вспомнил друзей-товарищей, их и своих матерей и отцов, и ужаснулся: как же мало знаю о них!

Думаю, что многие из нас, представителей нынешнего старшего поколения, испытывают чувство вины перед оставленной деревней. Ведь мечталось же нам о том, что мы-то уж сделаем все, чтобы людям жилось здесь лучше. Да жизнь по-своему распорядилась и нашей судьбой. Посланные родителями учиться, как делать новую жизнь села, мало кто из нас возвращался на малую родину. Не зря говорят, рыба ищет где глубже, а человек — где лучше. И пополняли мы, деревенская молодежь, ряды горожан. Трудовая закалка с малых лет, исконное стремление делать любую работу на совесть помогали нам быстро освоиться и занять достойное место в рядах городского трудового люда, стать примером для других. Недаром среди Героев Социалистического Труда и полных кавалеров ордена Трудовой Славы большинство — выходцы из деревни. Пример тому — Мурманская и Вологодская области, данными о которых я располагаю.

Конечно, далеко не все в подъеме деревенской жизни зависело от отдельных личностей. Нужна была четкая, продуманная до мелочей государственная политика в отношении села. А нам навязывали скоропалительные, порой даже абсурдные решения высших органов власти страны по подъему сельскохозяйственного производства. Достаточно вспомнить хрущевские реформы шестидесятых годов минувшего века, когда не только на скудных землях Нечерноземья, а даже в Заполярье было приказано выращивать кукурузу. Эта бредовая идея с треском провалилась. Не лучшим образом завершилось и укрупнение колхозов и совхозов. Тысячи российских деревень, признанные неперспективными, были обречены на медленное умирание. А ведь они жили веками, прокармливая не только себя, а и помогали наполнять государственные закрома.

Жизнь ценит то, что ей полезно. Надуманные в тиши столичных кабинетов «судьбоносные» решения деревенских проблем изначально были вредны для села, потому-то и провалились. Такая же судьба ждала и многие другие нововведения советских и постсоветских властей. Глобальный обман населения — не только сельского — произошел при Ельцине, когда начался бесконтрольный процесс приватизации государственной собственности. Близкие к власти люди захватили львиную долю общенародной собственности,

а, разбогатев, делиться с народом не захотели. Все это испытали на себе и мои вологодские земляки, живущие в деревнях.

Что же ждет мою малую родину?

Один из моих корбангских земляков, на лето приезжающий отдохнуть в родной деревне, подышать свежим воздухом, с горечью говорил мне:

— Умрет деревня. Лет через двадцать на месте ее останутся лишь заросшие бугорки от сгнивших домов да заросли вездесущей ивы...

Чтобы оставить след о месте нынешнего своего дома, он посадил вокруг него несколько молодых сосен и елей. Деревца прижились и быстро пошли в рост. Через двадцать лет, говорил земляк, они станут большими деревьями и будут служить для его потомков своеобразными маяками, когда те захотят узнать, где находился дом предков.

Но не все корбаки столь пессимистичны. В Курье, например, в прошлом году на месте сгоревшего дома Николая Сизова (Жаренка) дочка его Нина, живущая в Вологде, построила современный дачный домик. Родственники помогли ей разбить возле него огород, поставили красивую ограду. И стал этот домик, сияющий золотистыми стенами из калиброванных бревен, своеобразным символом возрождения деревни. По соседству с ним новый облик принял пострадавший от пожара дом Лехи Дианова, который после его смерти выкупил местный предприниматель Василий Бахлин и придал ему современный вид. Я уже говорил, что бывший архангельский боцман Саша Катышев, выйдя на пенсию, отремонтировал пустовавший дом своего родственника и твердо намерен жить в нем по крайней мере с весны до осени. Бывшие мурманчане Валентина и Рафаил Красильниковы, купив и отремонтировав пустовавший рядом с нашим дом, уже провели в нем первый летний сезон. Отремонтировали родительские дома, доставшиеся им в наследство, Валентин Григанов и Саша Попов, Маруся Дианова и Леша Сизов. Да и я со своей супругой Любовью Александровной, родившейся и выросшей в городе, сделал все, чтобы продлить жизнь моего родительского дома. Значит, еще не все потеряно. Значит, Курья не исчезнет с земли ни через двадцать, ни через сорок лет. Верю, потомки разинских казаков, основавших Курью столетия назад, сохранят ее для своих детей и внуков, а те продолжат святое для всех их дело — заботу о своей малой родине.

Живи, Курья!

КОРБАКИ

Местность наша, бывшая Корбангская волость, названа в честь небольшой, но быстрой речки Корбанга, впадающей в полноводную Двиницу. Протекает она меж холмами с севера на юг. По берегам ее, как и Двиницы, издревле и селились люди. Через всю волость, рассекая ее на две половины, еще в допетровские времена была проложена дорога к Великому Устюгу и дальше — до Архангельска. Одну часть местности жители окрестили Егорщиной, а вторую — Никольщиной. Названия эти связаны с православными храмами, коих в старину здесь было два — Георгиевский и Никольский, разобранный на кирпичи для колхозных новостроек еще в довоенное время. Георгиевская церковь, многие годы служившая складом зерна для колхоза «Доброволец», сама рухнула от старости в начале нынешнего века.

Пожалуй, это и все, что знал я о волости до того, как начал искать в архивах историю родословной нашей семьи. В Государственном архиве Вологодской области нашел документы, позволившие заметно расширить знания о своей малой родине.

Оказывается, самая большая в волости деревня Воробьево, через которую проходила древняя дорога на Великий Устюг, принадлежала знаменитому российскому полководцу Александру Суворову-Рымникскому. Подарила ее фельдмаршалу и генералиссимусу императрица Екатерина Вторая за отличие в подавлении Пугачевского восстания. Одно время жители Воробьево были подданными известных на Вологодчине помещиков из рода Брянчаниновых. А перед Октябрьской революцией большинство его населения относилось к разряду свободных землепашцев, числясь «казенного ведомства крестьянами».

Село и в те давние времена было центром общественной жизни волости. Здесь располагалось волостное начальство. Жили в нем также служащие — начальник почтовой станции Воробьево, учителя, ремесленники (по нынешнему — предприниматели). Однако основное занятие корбаков и тогда было связано с сельским хозяйством.

Любопытен перечень профессий людей, занятых трудовой деятельностью в сельском хозяйстве: управляющий, приказчики, пахари, рабочие, сторожа полевые, пастухи, скотники и конюхи, садовники и огородники, подсевальщики овса и сортировщики.

В лесном хозяйстве были приказчики по лесозаготовкам, лесная стража, лесники, заготовители веников и древесной коры, сборщики ягод и грибов. Отдельную категорию составляли охотники и рыбаки.

Привлекались жители Корбанги также на добычу извести, ломку камней (так говорится в архивном документе) и другие работы в масштабах всего Кадниковского уезда.

Главным для всех занятием было земледелие. «В 1903 году погодные условия на востоке были довольно благоприятные, — говорится в отчете уездного статистического комитета. — А на западе из-за дождливой погоды озимая рожь ушла под снег лишь частично хорошей. Многие поля в уезде вымерзли. На урожай яровых сказались плохие погодные условия: весна выдалась в тот год холодная. Но урожай овса, ячменя, пшеницы, гороха, картофеля и льна оказался все же не хуже, чем в 1902 году».

В Корбангской волости картофеля посеяли 68 пудов, собрали — 574, овса посеяли 37 пудов, собрали — 108.

В журнале учета Земского собрания за 1914 год говорится, что большой недород хлеба вызвал серьезные осложнения в снабжении мукой местного производства.

Но жизнь в уезде и в волости из-за этого не остановилась. Местные власти всерьез занимались обустройством деревень, созданием наиболее благоприятных условий для связи села с городом. На заседании Земского уездного собрания, например, 22 мая того же года, рассматривался вопрос о строительстве на территории уезда второй железнодорожной ветки — через Кадников на Харовскую. Кстати, так и планировалось еще при прокладке первой железнодорожной ветки. Были уже проведены изыскания, получено «добро» губернских и даже российских властей, но осуществить проект не удалось: помешала начавшаяся вскоре Первая мировая война.

22 ноября 1914 года Земское собрание рассмотрело вопрос «об открытии в Корбангском двухклассном училище класса ручного труда по столярно-токарному делу с пособием от министерства просвещения». Осуществить и этот проект помешала война.

Воевать за царя-батюшку призвали многих корбаков. Сперва — по так называемым «жеребьевым» спискам, потом — всех годных к воинской службе. Правда, в ту пору был в силе царский манифест о рекрутском наборе от 1849 года, согласно которому можно было откупиться от службы в армии, чем и пользовались помещики и зажиточные крестьяне. Были льготы по отсрочке. Например, студентам, были и пенсии от казны отставным нижним чинам,

и военные сборы последних по мере надобности. В церквах по указанию брата царя Михаила устанавливали памятные доски с фамилиями воинов, погибших в годы русско-японской войны. Многое их этих приемов позднее переняла советская власть. Часть из них стала доброй традицией россиян и в наше время.

Сохраняется и вековая традиция — в почитаемый всеми православными людьми праздник Троицы собираться на кладбище возле церквей, чтобы поправить могилы предков и отдать им дань памяти. На Корбанге, у полуразрушенной церкви Георгия Победоносца, в этот день собирается чуть ли не все местное население. Много приезжих из других мест.

На кладбище, сильно разросшемся в последние три десятилетия, нашли вечный покой многие из друзей моего детства и юности. Сюда, как на перекличку, навестить могилы родственников в Троицу приезжают оставшиеся в живых. Там-то, встречаясь, и узнаем мы о судьбах друг друга и общих друзей.

В одну из последних таких встреч я невольно обратил внимание на то, что молодые корбаки стали с большим интересом рассматривать старые могилы, интересуясь, каким человеком был тот или иной, лежащий под каменной плитой надгробия. И это, как выяснилось, не просто любопытство. Многие нынешние молодые жители Корбанги проявляют настырность в поисках знатных людей, судьба которых так или иначе связана с нашим краем. Каждому хочется доказать, что этот известный человек родился именно здесь, а не в какой-то легендарной Тмуторокани, что и в нашей местности были и есть люди, которыми можно гордиться.

Мой старый друг Николай Костылев, с которым учились в одном классе Воробьевской тогда еще семилетней школы, а затем — в одной группе Сокольского целлюлозно-бумажного техникума, закончив институт, многие годы возглавлял электрослужбу города Балаково Саратовской области. По делам службы часто бывал в Москве, встречался с живущими там земляками.

«На этих встречах, обычно проходивших в квартире Павла Романова, не раз заходила речь о том, кто из бывших корбаков больше всех прославил свою малую родину», — писал мне Николай. «...Наши мнения совпадают, — говорится в письме. — Это, безусловно, поэт Александр Романов, тассовец Василий Белоусов и Алексей Волков, работавший в Госплане СССР».

Не стану оспаривать заключение столичных земляков. У каждого из нас свои мерила достоинств и заслуг человека. Но то, что и

твои заслуги признают старые товарищи, конечно же, греет душу. А с оценкой труда Александра Романова согласен полностью. Он действительно был певцом своей малой родины. А мы, хоть и жили в разных городах, дружили.

Осенью 1967 года Романов приезжал в Мурманск. Естественно, мы встретились. На память об этой встрече осталась у меня подаренная им книжка стихов «Красное застолье» с автографом автора. «Василию Белоусову на память о тех милых корбангских местах, где наш корень и где прошла наша молодость и куда мы будем стремиться всю жизнь, — дружески А. Романов», — написал он на первой странице книги. Не упускал и я возможностей встретиться с ним на вологодской земле, чему очень способствовал наш общий друг Николай Михайлович Цветков, тогдашний редактор областной газеты «Красный Север». Как часто бывает в кругу творческих людей, встречи эти заканчивались дискуссией на литературные и окололитературные темы. Романов всегда отстаивал свою точку зрения, горячился, и, бывало, мы расставались чуть ли не врагами. Остыв, снова возвращались к дружеским отношениям.

В кабинете редактора «Красного Севера» довелось мне встречаться и с другими знаменитыми литераторами-вологжанами. Волей случая, на одной из них удалось порадовать Александра Яшина, уже больного, тяжело переживавшего кампанию критики одной из его книг. В журнале «Журналист», который я прихватил из Мурманска с собой, была помещена большая статья с анализом творчества нашего земляка. Впервые в ней не ругали Яшина, а одобрительно говорили о том, что до этого в других толстых журналах подвергалось резкой критике. Поэт не знал еще об этом, а потому был искренне благодарен за столь неожиданный подарок.

На той встрече зашла у нас речь о том, что неплохо было бы совершить путешествие на плоту по рекам Вологда и Сухона до малой родины Яшина. Я предложил начать его по более безопасному маршруту — с нашей речки Двиницы, впадающей в Сухону. Меня поддержали Александр Романов и заместитель редактора «Красного Севера» Аркадий Шорохов. Договорились осуществить задуманное летом следующего года. Мне поручили сколотить надежный плот для плавания по Двинице. Дальше планировалось сесть на теплоход и плыть до Великого Устюга.

Свою часть проекта я выполнил в срок, правда, с помощью ребят из Курьи, которые помогли не только собрать по берегам реки оставшиеся там с половодья бревна, а и сделать плот. И вот

настал день, когда в деревню должны приехать участники похода, узнав о котором, в нашу команду попросился и брат Александра Романова — Павел, известный московский хирург, доктор медицинских наук.

День уже подходил к концу, а гостей все не было. Наконец, появился Павел Романов. Непьющий доктор был явно не в форме.

— Где остальные? — спрашиваю его.

Доктор вдруг заплакал, чем сильно напугал меня. В таком состоянии я никогда не видел его.

— Что случилось? — снова задаю вопрос.

— Яшин умер, — сквозь слезы проговорил Паша.

— Какой Яшин? Вратарь, что ли? — переспрашиваю его, вспомнив легендарного советского футболиста.

— Да нет — наш Саша Яшин. Ребята послали меня сообщить, что поход отменяется ...

Известно, что Александр Романов считал Яшина своим учителем и наставником, дорожил дружбой с ним. Теплые отношения сложились с ним и у Павла. Поэтому-то он и переживал смерть большого русского поэта, всем своим творчеством прославлявшего нашу родную Вологодчину.

Увы, сейчас Павла, как и большинства из тех, кто собирался в это заманчивое путешествие, уже нет в живых. Плот же наш еще долго служил в то лето местным ребятишкам. Деревенские женщины полоскали с него белье в речной воде.

* * *

Я не берусь анализировать творчество своего корбангского земляка и поэта Александра Романова. Это дело литературных критиков. Мне же он дорог уже тем, что в своих стихах прославлял наш отчий край, людей, его населяющих. Он любил этот край и служил ему верой и правдой, выражая свою любовь поэтическими строками. Говорил не выспренно, как иные его коллеги по поэтическому цеху, а простыми, понятными каждому словами.

Судите сами:

Земля отцов и дедов, та земля,
Где кустики ольховые в межполье,
Дала мне все, ничем не обделяя:
Ни радостью, ни гордостью, ни болью.
А под ногами глина да песок,
Да вперемежку скудные подзолы,

Но первый для меня ржаной кусок
Взращен на этих пашнях невеселых.
.....

Без этих ольх, что скромно так цвели,
Без этих глин, что в детстве мы месили,
И без любви к углу такой земли
Откуда взяться и любви к России?

Братья Романовы родились и выросли в деревне Петряево, примерно в трех километрах от нашей Курьи. Дорога туда идет через неё, поэтому многие петряши, как на Корбанге называют жителей Петряево, по пути домой с автостанции нередко останавливались у нас на короткий отдых. В дождливую летнюю погоду и в осеннюю распутицу грунтовая дорога так раскисает, что проехать по ней можно только на тракторе или же на мощном грузовике. По этой причине гости петряшей и теперь вынуждены оставлять свои «Жигули» и иномарки в нашей деревне, продолжая дальнейший путь пешком.

Такие вынужденные остановки заставляют путников чаще общаться с жителями Курьи. Неудивительно, что по приезде на малую родину так поступал и Павел Романов. Его хорошо знали и уважали во многих корбангских деревнях за добродушный характер, приветливость и готовность оказать любому медицинскую помощь. Многим корбакам помог Павел поправить свое здоровье в столичных клиниках. На малую свою родину он всегда приезжал с набором медицинских инструментов, необходимых для несложных хирургических операций. А в деле своем он был специалистом высшего класса. Профессор Романов — один из авторов учебника для студентов медицинских институтов, изданного большим тиражом в Германии. Научными разработками доктора медицинских наук, профессора Первого Московского медицинского института и сегодня пользуются сотни российских и зарубежных хирургов.

* * *

Неуемная жажда знаний привела в науку еще одного выходца из деревни Петряево — Александра Чистякова. Мы вместе учились в Воробьевской школе. В молодые годы дружили, позже изредка переписывались. Саша стал кандидатом экономических наук. Работал в одном из научно-исследовательских институтов Ленинграда.

Хорошую в полном смысле слова карьеру сделал мой одноклассник — Алексей Волков из деревни Ивановское. Начав трудовой

путь рядовым инженером на Днепропетровском металлургическом комбинате, он вырос до начальника подотдела Госплана СССР. Алексей непосредственно участвовал в планировании и развитии целого ряда отраслей народного хозяйства Советского Союза. Богатый опыт нашего земляка был востребован и после распада СССР. К сожалению, видеться нам приходилось редко, хотя многие годы оба мы работали в столичных государственных структурах. Встречались, как правило, в Троицу на корбангском кладбище. Могилы наших матерей там рядом.

* * *

На производстве, после учебы в техникуме, началась и моя трудовая биография. За неполных три года, благодаря доставшемуся от предков трудолюбию и жажде знаний, я дошел до должности руководителя электрослужбы одного из заводов крупнейшего в мире Мурманского рыбокомбината. Однако не эта профессия оказалась моим призванием. Еще в армии начал сотрудничать с газетой «Патриот Родины» Северного военного округа. Увлечение журналистикой привело меня вскоре после увольнения в запас в Мурманскую областную газету «Полярная правда». Опыт производственной работы пригодился и здесь. Уже через полгода меня, начинающего литсотрудника «Полярки», назначили руководителем впервые созданной выездной редакции газеты на Всесоюзной ударной комсомольской стройке — второй обогатительной фабрики и высокогорного рудника «Центральный» комбината «Апатит». Потом такие редакции мне пришлось создавать и на других Всесоюзных ударных стройках Кольского Заполярья, на строительстве крупных промышленных и социальных объектов Мурманска, в том числе знаменитого памятника защитникам Советского Заполярья. Работу совмещал с учебой в Заочной высшей партийной школе при ЦК КПСС, где получил диплом профессионального работника печати. Командировки в глубинку области длились месяцами, я стал не только своим человеком на стройках и ведущих промышленных предприятиях региона, а и своеобразным летописцем Мурманской области.

В 1977 году по рекомендации Мурманского обкома партии меня приняли на работу в качестве собственного корреспондента главного информационного агентства Советского Союза — ТАСС, где быстро выдвинулся в число лучших региональных корреспондентов. Более десяти лет в составе кремлевской группы журналистов-тассовцев освещал важнейшие события в жизни страны, в том числе

работу XXV, XXVI и XXVII съездов КПСС, XVIII съезда профсоюзов, VII съезда Советов. По делам агентства часто бывал и в Госплане СССР, однако встретиться там со своим корбангским земляком Алексеем Волковым так ни разу и не удалось. Он был не кабинетным чиновником, любил изучать ситуацию в подведомственных предприятиях непосредственно на местах, будь то дальневосточный завод или проектно-конструкторская организация Казахстана.

* * *

Из стен Воробьевской школы вышло немало других корбаков, ставших известными в своих отраслях народного хозяйства и на культурно-просветительском поприще. Одним из них, несомненно, является Виктор Кунташев.

Родился он в поселке Печенга Мурманской области, в семье военных ветеринаров, но детство и юность провел на Корбанге. Его отец — майор Иван Иванович Кунташев, коренной вологжанин, родом из знаменитого села Сизьма Чебсарского (ныне Шекснинского) района. Институт закончил еще до Великой Отечественной войны. После демобилизации в 1946 году вернулся на родину. Был главным ветеринарным врачом Бирюковского района, потом главным ветврачом совхоза «Доброволец». Заслуженный ветеринарный врач РСФСР. Мать Виктора — Серафима Александровна Соловьева — родом из корбангской деревни Некрасово. С будущим мужем познакомилась еще в институте. В совхозе «Доброволец» многие годы избиралась секретарем партийного комитета.

У сына рано проявился интерес к рисованию, музыке. Виктор хорошо играл на гармошке, скрипке, фортепьяно. После учебы в Вологодском пединституте работал учителем в сельской местности, затем — почти четверть века — ответственным секретарем газеты в городе Бокситогорск Ленинградской области. Увлекся искусством экслибриса. Ювелирно владея пером и тушью, создал более 400 экслибрисов, которые высоко оценили в стране и за рубежом. Виктор иллюстрировал несколько популярных исторических романов, повестей, сборников. Писал стихи. Книжные знаки художника Кунтушева хранятся во многих частных собраниях, они экспонировались во Франции, Канаде, Италии, Швеции, Польше, Японии... Это был яркий, талантливый человек. К сожалению, умер в расцвете сил.

* * *

Наша Корбанга оказалась особенно плодовитой на людей творческого труда. Так, на поприще журналистики отличились не толь-

ко Александр Романов, Виктор Кунтушев и автор этих строк. Многие годы редактором «Сокольской правды» был уроженец деревни Курья Николай Шумилов, ставший потом первым директором Череповецкой студии телевидения. Собственным корреспондентом Мурманской молодежной газеты «Комсомолец Заполярья» был мой двоюродный брат Леонид Кубарев из деревни Кощеево.

Преподавателем в Воробьевской средней школе начинал трудовую жизнь Аркадий Шорохов, заместитель редактора газеты «Красный Север». С Корбангской волостью связана жизнь известного в дореволюционное время писателя и публициста Павла Засодимского. Лучшие свои произведения, по признанию современников, он создал, проживая в деревне Горка, где находилась усадьба его тетушки Е. П. Даниловой. Имя Засодимского носит сейчас одна из центральных улиц Вологды.

В годы советской власти в усадьбе Горка размещалась начальная школа, где обучались дети и внуки бывших подданных помещицы Даниловой. В ней с первого по четвертый класс довелось учиться и мне. Долго служила она юным корбакам, приобщая их к знаниям. Закрыли её, когда началось укрупнение местных колхозов и была построена на центральной усадьбе образованного на их основе совхоза «Доброволец» большая — на 780 учащихся — новая школа. В опустевшем бывшем помещичьем доме стараниями учителя истории Николая Паутова был создан музей деревенского быта. К сожалению, после его трагической гибели музей был закрыт. Большинство экспонатов, в том числе подаренные ему земляками редкие иконы и предметы старинного быта, пропали. Сейчас и самой усадьбы нет. На месте её буйно растет крапива. В упадок пришел и помещичий парк, долгие годы украшавший этот маленький уголок корбангской земли. О бывшей дворянской усадьбе вспоминают разве что дожившие до наших дней ученики Горкской школы да вологодские краеведы. Увы, пустует нынче и школа в Воробьеве. В ней в 2012 году учащихся было в 10 раз меньше, чем при ее открытии.

* * *

Получив хорошее базовое образование в сельской школе, многие молодые корбаки продолжали учебу в вузах страны, становились прекрасными инженерами, учителями. Трудно проследить судьбы всех, ибо разлетелись мои земляки по всей нашей огромной стране.

В заполярный Мурманск судьба привела уроженца деревни Некрасово Валентина Образцова, выучившегося на инженера-кораблестроителя. Работал на 35-м военном судоремонтном заводе. Вы-

сокие профессиональные качества и организаторский талант молодого инженера были замечены не только руководителями предприятия, а и городскими властями. Образцова избрали сперва секретарем заводского парткома, а затем — первым секретарем Ленинского райкома КПСС. Позднее он стал председателем Мурманского городского комитета народного контроля. И на этом ответственном посту проявил себя наилучшим образом. Однако тяжелая затяжная болезнь вынудила его покинуть Заполярье, переселиться в место с более благоприятным климатом. Каждое лето вместе с женой приезжает Валентин в Некрасово и живет в сохранившемся родительском доме.

В политике нашла свое призвание и Зоя Быстрова из деревни Великий Двор. В годы советской власти она возглавляла Кольский райком КПСС Мурманской области. Уйдя на заслуженный отдых, каждое лето живет в родной деревне, помогая соседям разбираться в сложных жизненных ситуациях. С ней, как и с Валентином Образцовым, связывают меня годы совместной работы в Заполярье и зародившаяся дружба.

Корбаки, как впрочем, и все вологжане, очень трудолюбивые люди. Деревенская закалка помогает им быстро осваиваться на новом месте, выполнять на совесть любую работу. Приятно было узнать, что моя землячка Александра Сизова из деревни Горицы, переехавшая в Мурманскую область, стала лучшей свинаркой Заполярья. Орден Трудового Красного Знамени — заслуженная награда вологжанки, для которой Кольская земля стала вторым домом. Такой же награды удостоен и бывший житель деревни Яковково, бригадир монтажников Мурманского управления «Продмонтаж», фронтовик и защитник Заполярья Александр Аполлонович Проворов.

В одной из школ города Кировска встретил я как-то Маргариту Пронину, учительницу немецкого языка, об опыте работы которой секретарь Кировского горкома КПСС, бывший вологжанин Василий Киров рекомендовал написать в областной газете. Оказалось, судьба уже сводила нас. И не где-нибудь, а в Воробьевской школе, где она преподавала тот же предмет. Правда, тогда носила еще девичью фамилию. В Заполярье приехала, выйдя замуж за земляка, работавшего на одном из рудников знаменитого комбината «Апатит».

* * *

Невелика Корбангская волость. За один день можно всю обойти пешком. Даже в лучшие времена здесь проживало всего около 3000 человек. Но сколько хороших людей дала она Родине!

По учебникам истории знал, что в знаменитой чапаевской дивизии, отличившейся в годы Гражданской войны, один из полков назывался Вологодским. И не только потому, что был сформирован в Вологде. В его рядах сражались с белогвардейцами сотни наших земляков. Знаменосцем же Вологодского полка был Алексей Иванович Лысанов, уроженец деревни Воксино Корбангской волости. Он был первым в волости коммунистом. Первым из корбаков ушел добровольцем в Красную Армию. Сражался с белогвардейцами на Урале, Кавказе, участвовал в освобождении северных территорий России от интервентов. Дослужился до командира батальона. Защищал родную землю и от фашистских захватчиков, хоть и был уже в годах, не подлежащих призыву в армию. На фронт ушел добровольцем. Погиб в одном из боев под Тихвином.

На малой родине у него осталась дочь Лидия, по мужу — Андрианова, долгие годы работавшая в колхозе «Доброволец». Там же трудился и внук Лысанова — Александр, один из лучших в хозяйстве механизаторов.

Во Львовском высшем военно-политическом училище, куда на переподготовку после увольнения в запас направил меня Мурманский облвоенкомат, познакомился я с полковником Беловым, преподававшим военную топографию. Оказалось, мы — земляки. Он родом из деревни Пирогово. Фронтовик. После Победы судьба привела его во Львов, где и остался жить. Расспросам полковника о родных местах, казалось, не будет конца. Он живо интересовался судьбами односельчан, прежде всего корбангских фронтовиков, но я, к сожалению, знал лишь немногих из них.

А вот еще одна необычная встреча. Будучи в служебной командировке в столице Румынии Бухаресте, зашел я по делам в советское посольство. Принял меня советник посольства Кулаков. Во время беседы он неожиданно спросил: «А вы, случайно, не вологодский? Говорок уж очень у вас специфичный...»

Оказалось, и он из наших корбангских мест, родился в небольшой деревеньке Павлово. Еще в 30-е годы вместе с родителями уехал в Ленинград, получил высшее военное образование. Служил на Северном флоте. Потом были годы учебы в дипломатической академии. Его, правда, больше интересовали флотские новости, о чем в основном и шла наша беседа. Советы же земляка помогли мне успешно выполнить задание, с которым приехал в эту отнюдь не братскую нам страну.

Много лет прошло с той бухарестской встречи с корбангским земляком. Время, как ветер, летит на своих невидимых крыльях,

разнося новости по свету. А жизнь идет и идет своим чередом. Сегодняшний день становится вчерашним, вчерашний — позавчерашним. И так до бесконечности, постепенно становясь историей. Так и рассказ мой о корбангских земляках, полагаю, со временем станет историей. Лелею надежду на то, что кто-то из вологжан найдет возможность поведать о нем будущему поколению, которое станет судить по нему, как жили в вологодских деревнях в двадцатом и начале двадцать первого веков, какую память оставили о себе корбаки в этой огромной стране с гордым именем Россия.

Что касается лично меня, то я старался жить так, как подсказывала мне совесть. Два ордена и десяток других государственных наград, как и звания Заслуженного работника культуры Российской Федерации и почетного гражданина Мурманской области, дают мне серьезное основание полагать, что жизнь моя не прошла бесследно, как тень случайного облачка, пролетевшего в солнечный день над моей малой родиной — скромной вологодской деревней Курья.

СЕВЕРОМ ПОРОДНЕННЫЕ

Почти каждый пятый житель Мурманской области так или иначе корнями связан с Вологодчиной. И это непреувеличение. Вологжане с давних времен стремились в здешние земли, осваивали их и шли дальше вдоль берегов Северного Ледовитого океана на запад и на восток. Это была поистине героическая, полная трудностей работа, но они шли и шли в неведомую даль, даже не подозревая, что идут в историю.

В 1978 году мне выпала честь повторить их путь на восток на борту самого мощного в ту пору атомного ледокола «Сибирь». Тогда и зародилось у меня желание узнать, кем были эти арктические первопроходцы, навеки прославившие свою страну и оставившие вечный след на суровых берегах Ледовитого океана.

* * *

...Дробя целину многолетнего льда, атомный ледокол «Сибирь» продвигался все дальше и дальше на восток. Мы шли по местам, где до нас не бывал ни один корабль. К тому же шли не одни — вели за собой большое транспортное судно — дизель-электроход «Капитан Мышевский». Семьдесят пять тысяч «лошадей» тянули

судно по каналу, проложенному атомоходом в ледовом поле, но этого было мало. Транспорт то и дело застревал. Приходилось возвращаться к нему, окалывать лед, а то и брать на буксир.

— Да, с Арктикой шутки плохи, — сказал мне однажды капитан «Сибири» Владимир Константинович Кочетков, глядя на то, как безуспешно пытается дизель-электроход преодолеть мелкобитый лед в канале за кормой атомохода. — Удивляюсь, как это ходили по Северному морскому пути наши предки...

Капитан подошел к карте района, где находились мы в это время. На самом краю ее четко виделись знакомые со школьной скамьи очертания берегов Восточной Сибири, испещренные географическими названиями заливов и островов, горных хребтов и ледников. Мое внимание привлекла повторяющаяся несколько раз фамилия Н. Шалауров.

— Кто это? — спросил капитана. — Небось, из поморов?

Кочетков посмотрел на карту, хитро улыбнулся и произнес:

— Ты же вологодский, а знатных земляков своих не знаешь....

Оказывается, Никита Шалауров, купец из Великого Устюга, большую часть своей жизни отдал освоению Арктики. Еще в середине XVIII века вместе с Иваном Баховым он подал прошение правительству о дозволении «сыскать северный морской путь из устья Лены в Тихий океан». В 1755 году сенат издал указ, по которому экспедиция разрешалась. Три года — с 1760-го по 1763-й — на небольшом судне с командой из ссыльных и беглых солдат пытались отважные путешественники пробиться сквозь льды на восток.

От трудностей и болезней разбежалась команда. Однако Шалауров не оставил мечты. В 1764 году, добившись новой субсидии, снова пошел в Арктику. К сожалению, и эта экспедиция не принесла удачи. Судно раздавили льды, а сам Шалауров погиб, успев оставить потомкам карту берега Восточно-Сибирского моря. В честь его и был назван мыс, мимо которого мы проплывали на атомоходе.

* * *

Сквозное плавание из Европы в Америку по северным морям...

Столетиями эта идея владела умами людей, жила в сердцах моряков, звала в неизведанные дороги Арктики. Первым, почти полтора века назад, поход из Европы на Дальний Восток осуществил швед Н. А. Норденшельд. Его экспедиции, снаряженной, кстати, на средства русских купцов-золотопромышленников, на это потребовались две навигации.

Неимоверные трудности плавания во льдах, испытанные знаменитым путешественником, привели его к выводу о том, что транс-

портная эксплуатация этого морского пути нецелесообразна. И это мнение человека, авторитет которого в кругах моряков считался незыблемым, господствовало десятилетия. После неудачной экспедиции другого, не менее знаменитого, путешественника — Р. Амундсена на судне «Мод» ученые не только Европы, но и Америки, почти единодушно стали утверждать, что плавание с запада на восток по морям Ледовитого океана в один навигационный сезон невозможно. И только в России нашлись люди, оспаривавшие эти выводы. Более того, они предпринимали отчаянные попытки доказать, что и «море-окиян», как назывался тогда в народе Северный Ледовитый океан, может служить людям. Среди этих смельчаков было немало наших земляков.

* * *

Отважных и мужественных людей вологодской земле не занимать. С VI века, как гласит летопись, славянские племена, населявшие земли по берегам Белого и Кубенского озер, рек Вологды и Сухоны, поддерживали связь с северными народами. В XI столетии вместе с дружинами новгородцев приходили они аж на Мурманский берег, где даже в лютый мороз вода в заливах не замерзала и было столько дичи и рыбы, что брали их прямо руками. Торговля добытыми здесь дарами природы давала немалый доход.

С того и пошло. Уже не хватало материка. Хотелось узнать и увидеть другие земли, скрытые от людского взора морским пространством. А то, что земли такие есть, что дичи, морского зверя там еще больше, не вызывало сомнений. Много рассказов об этих неведомых, почти сказочных землях слышали русские люди от местных жителей — лопарей.

Первыми путь к этим землям попытались найти поморы. Погоня за китами, которых в то время в Студеном (теперешнем Баренцевом) море было великое множество, привела их на остров, названный ими Грумантом (ныне — Шпицберген).

До 1920 года этот архипелаг был ничейной землей, не принадлежал никому. Сейчас он находится под юрисдикцией Норвегии. Но еще в XVI веке, задолго до появления здесь норвежцев, на нем вели промысел зверя архангельские поморы. Подтверждение этому дали раскопки древних стоянок, обнаруженных в последние годы на восточных островах архипелага.

Вслед за поморами потянулись на Грумант и предприимчивые вологодские купцы. В 1800 году вологодский купец М. Киселев на судне «Св. Николай» достиг берегов Шпицбергена и вернулся с богатой добы-

чей. В 1826 году другой вологодский купец — Иван Старостин тоже достиг заветной земли. Тридцать две зимы провел он здесь, добывая ценных морских зверей. Есть сведения, что путь на Грумант настырные землепроходцы-устюжане освоили еще до основания Соловецкого монастыря. Правда, они подтверждены пока только одним документом — заявлением внука И. Старостина. Но не только на запад шли через льды утлые суденышки вологодских землепроходцев. Их еще больше влекли земли к востоку от легендарной Мангазеи.

Пожалуй, самым известным из первопроходцев Арктики стал устюжанин Семен Дежнев. Как представитель власти, он был включен в команду Федора Попова (из Холмогор), в 1647 году решившего проплыть из устья Колымы на восток с целью добычи «морского зубу» и отыскания морского пути на Анадырь. У экспедиции была и другая цель — сбор ясака в пользу казны.

Первое плавание закончилось неудачно. На следующий год поход повторился. Шесть кочей, на которых находилось 90 человек, — большая по тем временам экспедиция — 30 июля 1648 года достигли Чукотского Носа (нынешний мыс Дежнева). Обрадованные удачей, мореходы поспешили дальше на восток. Однако попали в бурю, во время которой коч с начальником экспедиции пропал без вести. Руководство над оставшимися в живых путешественниками взял на себя Семен Дежнев.

Перезимовав в безлюдном устье Анадыря, отряд Дежнева на следующий год отправился вверх по реке, объявляя всех встречавшихся на пути местных жителей подданными Российского государства. Долгих семь лет пришлось прожить здесь отважным первопроходцам. Один из них — Михаил Колосов — писал позднее об этом так: «Холод и голод терпели, нужду и бедность принимали, всякую скверну ели и душу свою оскверняли».

* * *

Были наши земляки и в экспедициях братьев Лаптевых, чьим именем названо море, были и в экипаже Русанова, первым из россиян обследовавшего архипелаг Новая Земля и пытавшегося достичь Северного полюса на надводном корабле, во многих других экспедициях, так и несумевших добиться заветной цели, но оставивших яркий след в истории освоения Арктики.

Судьба оказалась более благосклонной к потомкам первопроходцев. Атомоход «Арктика» в 1977 году первым в мире в надводном плавании покорил полюс. Этот успех вскоре повторил экипаж другого атомохода — «Сибирь». Вологжанам, видимо, будет приятно

узнать, что дублером капитана «Сибири» был тогда наш земляк, белозерец Станислав Румянцев, вскоре ставший капитаном другого атомохода и работающий в Арктике до сих пор. А тогда вместе с ним исправно нес свою службу на атомоходе матрос первого класса Николай Упоров, уроженец Никольского района.

Во время похода на «Сибири», с которого я начал этот рассказ, в экипаже атомохода тоже было несколько вологжан. Устюжанин Юрий Коновалов, например, обслуживал атомную энергетическую установку «Сибири», а Геннадий Фролов из Кириллова был тогда старшим техником-дозиметристом. Как и во всех делах, в Арктике вологжане показывают пример добросовестности, честного выполнения своего долга перед Родиной. И верится, что на карте ее еще появятся новые имена наших земляков, достойно продолжающих дело первопроходцев.

* * *

Арктические моря — далеко не единственное место, где отличились наши земляки, особенно в годы советской власти. Тысячи выходцев из вологодской земли приняли участие в освоении Кольского полуострова.

Север притягивает к себе людей. Стоит лишь раз побывать там, на берегах Ледовитого океана, и вас снова потянет туда. И я испытал на себе эту чудесную его силу. Приехал в Мурманск с расчетом на год — «прокантовать» там до призыва в армию. Но этот год стал решающим в выборе дальнейшей судьбы. Отслужив почти три года, вернулся туда. И вот уже более полувека несу свою службу Заполярью, став волей судьбы его летописцем.

Через это прошли сотни других вологжан. В 1959 году приехал в Мурманск к брату молодой корреспондент «Красного Севера» Николай Беляев, да так и застрял здесь. Место ему нашлось в областной газете «Полярная правда», где он и прошел все ступени профессионального роста — от рядового литсотрудника до главного редактора газеты. Талантливого журналиста и умелого организатора избрали секретарем обкома КПСС. Был он и депутатом областного Совета. После распада СССР вернулся к старой профессии, хотя и не в прежнем ранге: несколько лет, до внезапной кончины, работал в должности первого заместителя главного редактора новой областной газеты «Мурманский вестник». После смерти Николая Васильевича на его место пришел сын — Владимир Беляев, перенявший у отца лучшие его человеческие и профессиональные качества.

Почти двадцать лет Мурманскую городскую больницу скорой медицинской помощи возглавлял выходец с Вологодчины Юрий Андреевич Паюсов. Сейчас он депутат областной думы, руководит одним из его отраслевых комитетов. Но в списке ведущих специалистов больницы остается фамилия Паюсова: рентгенологическим отделением руководит его сын Степан. А в Мурманском областном диагностическом центре уже не одно десятилетие трудится супруга главы этой династии медиков Валентина Степановна.

Каждое лето Паюсовы приезжают на свою малую родину. Уйдя на пенсию, планируют перебраться на постоянное жительство в Вологду, где уже заимели собственную квартиру.

Уроженцев Вологдчины было немало в местных органах власти этого северного региона. Почти четверть века, например, проработала заместителем председателя Мурманского облисполкома Нина Николаевна Гогошина, родом из Усть-Кубенского района. Таков же стаж руководящей партийной и советской работы у уроженца деревни Москвино Белозерского района Василия Ивановича Кирова, бывшего председателя Кировского горисполкома и первого секретаря Кировского горкома КПСС. За большой личный вклад в развитие экономики Заполярья он удостоен звания почетного гражданина Мурманской области. Ныне проживает в Ленинградской области.

От рядового учителя химии до заместителя мэра Мурманска прошла в Заполярье путь выпускница Вологодского пединститута Тамара Веноровна Петухова. Областным центром стандартизации и метрологии руководит доктор экономических наук уроженец Великого Устюга Николай Павлович Дедков.

Добрый след на Кольской земле оставили сотни наших земляков, работавших на промышленных предприятиях, в транспортных и строительных организациях области. Среди них — известный российский металлург Дмитрий Иванович Матюшкин. Война застала его в Мончегорске, где он возглавлял работу горняков комбината «Североникель». Из-за угрозы захвата города гитлеровцами основное оборудование предприятия было демонтировано и отправлено в глубокий тыл. Туда же вывезли и ведущих специалистов комбината. Матюшкину было поручено обеспечить сохранность того имущества, которое оставалось на территории «Североникеля». С этой задачей он справился образцово, что позволило еще в годы войны восстановить производство и приступить к выпуску так нужного в ту пору никеля.

В 1951—1962 годах Дмитрий Иванович был директором этого комбината. Опыт и житейская мудрость его способствовали спокойной, уверенной работе коллектива. При нем модернизировали рудник, внедрили новую технологию разделения файнштейна, что привело к увеличению выпуска меди и никеля в два с половиной раза, а кобальта — в три раза. Матюшкина уважали за порядочность и справедливость. И хотя его давно уже нет в живых, жители Мончегорска, где он начинал и завершил свою трудовую карьеру, Митюшкина помнят до сих пор.

На том же комбинате «Североникель» Героями Социалистического Труда стали уроженец деревни Чалинская Череповецкого района Вологодской области бригадир плавильщиков Николай Михайлович Маргаритов и его земляк бригадир конверторщиков Алексей Гурьянович Веселов. Этой высшей награды СССР был удостоен и выходец с Вологодчины бригадир мончегорских строителей Анастасий Степанович Брюханов.

С Мурманской областью связаны многие годы жизни еще одного известного нашего земляка — Григория Ивановича Горбунова, родившегося в деревне Дор Нюксенского района. Ученый-геолог, член-корреспондент Академии наук СССР, он в течение 15 лет возглавлял один из крупнейших научных центров страны — Кольский филиал АН СССР. Его научная деятельность связана с изучением медно-никелевых, редкоземельных и других месторождений Кольского полуострова, Карелии и Норильского района. Свою научную работу Григорий Иванович совмещал с активной общественной деятельностью. Он неоднократно избирался депутатом Мурманского областного Совета народных депутатов. За большой личный вклад в развитие экономики Кольского полуострова награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и многими медалями. Он — лауреат премии Совета Министров СССР. Им подготовлены 12 кандидатов и 5 докторов наук.

Многие вологжане стали в Мурманске рыбаками. И на этом поприще они показали себя с самой лучшей стороны. Немало отличившихся в труде удостоено высоких государственных наград. Героем Социалистического Труда стал уроженец деревни Белогорье Рослятинского района Прокопий Прокопьевич Решетов, капитан Мурманского тралового флота. Орденами Ленина и Трудового Красного Знамени отмечен выходец из Бирюковского (ныне Сокольского) района бригадир гидростроителей Николай Павлович Прохоров. Таких же наград удостоен его земляк, машинист электровоза

Оленегорского горно-обогатительного комбината Алексей Иванович Удальцов. В Мурманске уважением пользуется ветеран 35-го военного судоремонтного завода, уроженец деревни Кушниково Вожегодского района Вячеслав Николаевич Генералов, прошедший на этом предприятии путь от мастера до руководителя главного цеха завода. Уйдя на заслуженный отдых, Генералов не теряет связь с родным заводом. Он — председатель совета ветеранов предприятия, готовит книгу об истории завода и его людях, внесших значительный вклад в оборону Мурманска и укрепление оборонной мощи Северного флота. И таких, как он, патриотов Севера и своей малой родины — Вологодчины, в Мурманске тысячи. К сожалению, всех не упомянуть.

В Мурманской области проходят воинскую службу сотни коренных вологжан. Особенно много их на боевых кораблях Северного флота. Молодых земляков, оказавшихся в Заполярье, стараются поддерживать власти Вологды и области. Они, например, взяли шефство над подводной лодкой «Вологда». Мне известно, что на корабль не раз уже приезжали с подарками землякам бывший вице-мэр Вологды Алексей Александрович Жданов, генеральный директор фирмы «Продтовары» Александр Васильевич Голованов и многие другие известные на Вологодчине люди. Связь двух северных регионов крепнет и по другим направлениям жизнедеятельности.

* * *

Вологжане гордятся своим земляком Героем Советского Союза и полным кавалером ордена Славы Николаем Ивановичем Кузнецовым. Гордость эту по праву разделяют с ними и мурманчане. Ведь он начинал трудовую жизнь на Кольской земле. В армию был призван Кандалакшским военкоматом. В Кандалакшу вернулся и после войны, где работал до ухода на пенсию. Его знали и помнят многие северяне. Помнят они и другого героя — Александра Васильевича Андреева, работавшего на Мурманском 35-м судоремонтном заводе, а после ухода на пенсию вернувшегося в Вологду. Мы много лет поддерживали связь. Последний раз я навещал его буквально за несколько дней до смерти. Как и Кузнецов, Александр Васильевич был человеком скромным, не любил рассказывать о войне. Зато охотно говорил о своей вологодской деревне, об истории Кирилло-Белозерского монастыря и о самой Вологодчине, любовь к которой пронес через всю жизнь.

Мне вообще везло на встречи и дружбу с именитыми земляками, жизнь которых так или иначе связана с Вологдой и Мурман-

ском. Один из них — бывший начальник штаба Северного флота, вице-адмирал Вадим Константинович Коробов. Благодаря ему у меня установились добрые товарищеские отношения со многими командирами частей и соединений флота, что способствовало и моей журналистской деятельности.

Будучи корреспондентом ТАСС, я имел доступ практически во все властные структуры региона, в том числе и в военные. Еще в начале девяностых годов минувшего века познакомился с контр-адмиралом Вячеславом Алексеевичем Поповым, впоследствии ставшим полным адмиралом, командующим Северным флотом. Добрые отношения, сложившиеся два десятилетия назад, сохраняются между нами и сейчас. Мне довелось быть рядом с ним в трудные дни после трагедии атомной подводной лодки «Курск», и я видел, как тяжело переживал он это несчастье. Для него моряки с погибшей субмарины были дороги, как собственные дети. И он сделал все от него зависящее, чтобы поднять с морского дна и корабль, и тела его экипажа, отдав погибшим на боевом посту все воинские почести.

Уволившись с воинской службы, Вячеслав Алексеевич представлял интересы Мурманской области в Совете Федерации Федерального Собрания России. Сейчас он — заместитель председателя Мурманской областной думы. Не теряет связи и с Вологодчиной, где его многие знают и уважают.

В годы моей службы в армии, часть которой проходила в Вологде, мне довелось познакомиться с подполковником Алексеем Алексеевичем Поповым. Как позже выяснилось, отцом адмирала Попова. А тогда он командовал артиллерией всей нашей дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова первой степени Севской мотострелковой дивизии. Однажды на учениях, проводимых в районе Кущубы, я, тогда помощник командира взвода разведки зенитно-артиллерийского дивизиона, удостоился его похвалы и поощрения за умелые действия при выполнении поставленной перед взводом задачи. После увольнения в запас Алексей Алексеевич многие годы работал военруком в 29-й Вологодской средней школе, которой недавно присвоено его имя. А это ли не оценка труда офицера-фронтовика! Было на кого равняться и будущему адмиралу, командующему Северным флотом.

С Мурманском связана судьба и ряда других видных советских и российских военачальников-вологжан. Путевым рабочим на строительстве «Мурманки», как в те годы называли железную дорогу, связавшую Петербург с молодым российским городом Романов-на-Мурмане, начинал трудовой путь уроженец деревни Лыковская

Кадуйского района, ставший генерал-полковником, Василий Иванович Швецов.

В годы Великой Отечественной войны авиацией Северного флота командовал полковник Евгений Николаевич Преображенский. Герой Советского Союза, первым еще в августе 1941 года бомбивший столицу фашистской Германии — Берлин. Родился он в селе Великославское Кирилловского района. Армейскую службу закончил генерал-полковником, военным консультантом Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Несколько лет милицию Кольского Заполярья возглавлял полковник Виталий Петрович Федотов, направленный в Мурманскую область из Вологды. Здесь он вырос до генерал-майора. В годы его руководства этой правоохранительной структурой в регионе преступность заметно снизилась. Организаторские способности Федотова оценили и в Министерстве внутренних дел России, признав его одним из лучших региональных начальников УВД. Сейчас Виталий Петрович возглавляет Управление внутренних дел родной для него Вологодчины, но связи с северными своими коллегами не теряет.

Здесь обрели второй дом тысячи выходцев из вологодской земли. Одних поманила сюда возможность неплохо заработать, другие пришли на Север за романтикой, третьих в годы советской власти насильно привезли в Заполярье строить новые города, заводы и фабрики, обживать пустынные берега Кольского полуострова. Большинство так называемых переселенцев обжились здесь, полюбили этот суровый край. Вечными памятниками переселенцам стали построенные ими такие индустриальные гиганты, как комбинаты «Апатит», «Североникель», Мурманский и Кандалакшский морские порты, да и все ныне существующие на полуострове города. Ведь до революции 1917 года на его территории проживали всего чуть более 12 тысяч человек.

О вкладе выходцев с Вологодчины в развитие экономики и культуры Кольского полуострова можно судить и по таким вот цифрам: из 152 мурманчан, удостоенных звания Заслуженного работника культуры РСФСР и Российской Федерации, 16 — бывшие вологжане. Среди упомянутых в региональной Педагогической энциклопедии наиболее известных в области педагогов — почти полсотни недавние вологжане. Двое из девятнадцати почетных граждан Мурманской области родом с Вологодчины. Многие являются почетными горняками, полярниками, металлургами, врачами. Орденоносцев — не перечесть. И неудивительно: вологжане в своем большинстве люди на редкость трудолюбивые. Этим славились наши предки.

Этим качеством отличаются и представители нынешнего поколения во всех отраслях народного хозяйства Заполярья. Уверен, страна еще не раз услышит о лучших из них.

* * *

На этом я планировал завершить свой рассказ о малой своей родине. Перечитав написанное, понял, что надо сделать еще одно обобщение — о сегодняшних деловых и культурных связях двух наших северных областей. Рассказать об этом попросил губернаторов Мурманской области Марину Васильевну Ковтун и ее вологодского коллегу Олега Александровича Кувшинникова.

— Основой нашего сотрудничества стало «Соглашение о социально-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Вологодской и Мурманской областями», подписанное в октябре 1997 года, — сказала Мурманский губернатор Марина Ковтун. — В настоящее время прорабатывается новая программа конкретных мероприятий с учетом приоритетных направлений дальнейшего взаимодействия. В частности, речь идет об ипотечном кредитовании, объединении усилий в решении федеральной программы переселения северян, развитии туризма, инвестиционное и научное сотрудничество.

Уже многие десятилетия области объединяет сотрудничество в сфере промышленности. С Кольского полуострова осуществляются поставки вологжанам железорудного и апатитового концентратов, рыбы и рыбной продукции, выпускаемой местными предприятиями. Особенно успешно развиваются производственные связи акционерного общества «ОЛКОН» и Череповецкого металлургического комбината, а также между предприятиями обеих областей, задействованных в получении минеральных удобрений. В целях стимулирования экономического взаимодействия предприятий обоих регионов в Мурманске создана компания «Торговый дом “Северсталь”».

Ежегодно предприятия Вологодской области принимают участие в проводимых в Мурманске межрегиональной выставке-ярмарке «Заполярная осень» и международной выставке «СЕВТЭК», на которых большим спросом пользуются вологодское масло и изделия из льна. Города и поселки Вологодской области являются весьма привлекательными для мурманчан в плане переселения. Ежегодно десятки мурманских семей выбирают их для постоянного проживания.

Она также отметила расширение в последние годы культурных и спортивных связей регионов. Вологжане — постоянные участни-

ки ежегодных международных соревнований по зимним видам спорта — Праздник Севера. Стали привычными обмены делегациями творческих работников.

Вологодский губернатор Олег Кувшинников считает Мурманскую область важнейшим торговым партнером среди областей и республик Северо-Западного федерального округа.

— Взаимный товарооборот между нашими областями постоянно растет, — сказал он. — На сегодняшний день он составляет почти треть товарооборота с регионами округа. Вологодские предприятия поставляют в Мурманскую область не только продукцию производственно-технического назначения (троллейбусы, насосы, прокат черных металлов, стальные трубы, удобрения), а и потребительские товары: молоко, сливочное масло, колбасы, муку, одежду, ткани и другие. Мурманчане возят к нам рыбу, продукты ее переработки, машины для городского коммунального хозяйства, щебень и гравий из природного камня.

Но сотрудничаем мы не только в области экономики, — продолжает Олег Кувшинников. — Так, наш областной театр кукол «Теремок» в 2011 году принял участие в фестивале театров в Мурманске. Сотрудничают наши библиотеки, а во Всероссийском конкурсе мастеров кружевоплетения «Серебряная коклюшка» ежегодно участвуют мастера кружевоплетения из Североморска и Кировска. В экстрим-фестивале Деда Мороза, в рамках которого проходят три Всероссийских первенства: Кубок России по кроссу на снегоходах, чемпионат России по джип-триалу и Кубок Деда Мороза по кантри-кроссу на снегоходах, всегда участвуют и гонщики из Мурманской области.

Особенно важно человеческое измерение наших контактов. В свое время многие вологжане уехали в Мурманскую область: кто — «на заработки», а кто-то — по принуждению в годы сталинских репрессий. Они внесли свой вклад в развитие этого региона, а сейчас возвращаются на Вологодчину с самыми лучшими воспоминаниями о мурманской земле и ее людях.

— Вологда и ряд других наших городов участвуют в реализации федеральной программы переселения северян, и мы делаем все возможное, чтобы переселенцы из Заполярья чувствовали себя комфортно на всей нашей территории, — подчеркнул глава Вологодской области.

Он, как и его мурманская коллега, считает, что Север — общий дом для вологжан и мурманчан, а потому и повышать его роль в укреплении экономики страны они и впредь будут общими усилиями.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 3
ЖИВИ, КУРЬЯ! 5
КОРБАКИ 37
СЕВЕРОМ ПОРОДНЕННЫЕ 48

Василий Сергеевич Белоусов

ЖИВИ, КУРЬЯ!

Редактор и корректор
Т. Т. Фёдорова

Технический редактор
и оператор компьютерной вёрстки
Ю. Л. Данилова

Сдано в набор 27.02.2013. Подписано в печать 13.03.2013.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,5. Тираж 200 экз.
Заказ

Мурманское областное книжное издательство
183038, г. Мурманск, пр. Ленина, 100

Василий Сергеевич Белоусов, родился 22 марта 1937 г. в деревне Курья Биряковского (ныне Сокольского) района Вологодской области.
Член Союза журналистов СССР (РФ) с 1963 г.
Собственный корреспондент ТАСС (ныне ИТАР-ТАСС) по Мурманской области с 1977 года.
Кавалер орденов «Знак Почета» (1971), Дружбы (2003) , награжден восемью медалями, Заслуженный работник культуры РФ (1996), Почетный гражданин Мурманской области (2008).
Автор 11 документальных книг, неоднократный победитель Всесоюзных и Всероссийских творческих конкурсов.
За книгу-летопись «МУРМАН СТРОКОЮ ТАСС» (Что было - то было) в 2009 г. удостоен премии Союза журналистов России.

ISBN 585510354-0
9 785855 103540